

The book cover is a complex collage. At the top left, a yellow-tinted image shows the Alexander Column in St. Petersburg. To its right is a blue-tinted image of the Isaac Cathedral. Further right is a green-tinted image of the Peter the Great Statue. The background is a dark blue gradient with abstract yellow and white geometric patterns, including vertical bars and dots. A large, glowing blue and white sphere with starbursts is positioned in the upper center. The author's name is in white italicized text. The title is in large, bold, yellow letters with a black outline. At the bottom, a large, tilted image of the Spasskaya Tower clock face is on the left, and a black silhouette of Peter the Great on horseback is on the right. The publisher's logo is in the bottom left corner.

Степаков В.С.

МИСТИЧЕСКИЙ ПЕТЕРБУРГ

ЭКСМО

Виктор Степаков
Мистический Петербург

«ЭКСМО»

2008

Степаков В. Н.

Мистический Петербург / В. Н. Степаков — «Эксмо», 2008

«Мистический Петербург» – загадочная книга, которая приоткрывает завесу над ужасными тайнами и загадками потустороннего мира Северной столицы. Основу книги составляют рассказы очевидцев, чудом оставшихся в живых после встречи с потусторонним, сведения из редких изданий, документы из закрытых спецхранилищ и интервью с известными исследователями аномальных явлений. Чтобы собрать и систематизировать этот уникальный материал, известному историку Виктору Степакову потребовалось несколько десятков лет напряженной работы, нередко с риском для жизни. Призрак Кирова в Смольном, современные некроманты Петербурга, зловещая тайна Обводного канала, привидения Марсова поля и многое-многое другое в книге, которую «пока еще не запретили».

© Степаков В. Н., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

От автора	5
Кошмары Смольного	6
Древние напрасно не предостерегали	7
Ленин и Печник	8
Киров с нами	10
Заклятие Аменхотепа	11
Не произносите в Египте слово «Аменхотеп»	12
Забытое происшествие XIX века	14
Наследие Армякова	15
Нехорошее место	17
Кого мог увидеть ученый?	18
Место страшное, нехорошее...	19
Жертвы революции	20
Из истории кошмаров	21
Брак и нечистая сила	23
Что скрывает Марсово поле	24
Петербургские некроманты	25
Загадочный маркиз де Бирс	26
История петербургских некромантов	28
Смотрящие в Бездну	31
Голова Ленки Пантелеева	32
«Вы хотите зрелищ – их есть у меня!»	33
Что делать с трупом?	34
«Невелика потеря, не экспонат и был»	35
Загадочные происшествия на Волковском кладбище	36
Охотники за золотом Пантелеева	39
Петербургское колдовство	40
Зловещая тайна Обводного канала	44
Темные воды смерти	45
Могила колдуна	47
Мумия	49
Проклятые места	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Виктор Степаков

Мистический Петербург

«То, что мы знаем, – ограничено, а то, чего мы не знаем, – бесконечно».

П. Лаплас, французский ученый

От автора

С момента своего основания Санкт-Петербург всегда был полон жутких, мистических историй. То находились очевидцы, видевшие, как ночами по Васильевскому острову проезжала карета, полная мертвецов, то появлялась близ Михайловского замка угрюмая тень убитого императора Павла I, то в заброшенных парках встречали ужасных существ...

Да мало ли какие жуткие истории могли произойти в городе, заложенном на чухонских топях и человеческих костях!

Мистический мир Петербурга не миф, не досужая выдумка, это – реальность. Он существует. Темный, загадочный, страшный... Город, веками вбирающий преступления, тайны и трагедии, не может жить только в одном измерении.

Огромное количество леденящих душу историй известно и за пределами города, в области. Здесь, за стенами древних замков, старинных дворцов, в вымерших деревнях, дремучих лесах и топких болотах, таится запредельный ужас и мрак. И горе, горе тому, кто по неосторожности рискнет появиться в подобном месте!

В петербургских архивах хранится немало уникальных документов, в которых отмечены факты потусторонних кошмаров. Упоминания об этом возможно отыскать и в редких изданиях XVIII–XX веков. Сведения о мистических происшествиях представлены также в архивах и интервью известных городских исследователей аномальных явлений, в частности Андрона Фридмана.

Знакомство с этим обширным архивно-библиографическим материалом и послужило основой для написания данной книги.

Кошмары Смольного

Из всех мистических историй города Петербурга самыми малоизвестными остаются потусторонние кошмары, связанные со знаменитым зданием, построенным в начале XIX столетия архитектором Джакомо Кваренги, которое за время своего существования успело побывать и пансионом для благородных девиц, и штабом революции и было и осталось местом сосредоточения городской власти. И никто из его хозяев оказался не в состоянии совладать с темным ужасом, таящимся в ночных коридорах Смольного. Да и как совладать? Запретить декретом или распоряжением? Было дело, пытались. Не помогло. Поэтому лучше рассказать читателям о тех таинственных и страшных историях, что, случается, происходят за старинным фасадом Смольного.

Древние напрасно не предостерегали

В картографическом собрании Стокгольмского исторического музея хранится несколько карт, составленных известным шведским картографом XIV века Карлом Юлием. Карты эти уникальны не только своим крайне почтенным возрастом, но и тем, что на них довольно точно изображена старинная шведская волость Ингерманландия, то есть территория современного города Петербурга и большей части Ленинградской области.

На картах участок невиского берега, где ныне расположено здание Смольного, отмечен зловещей пентаграммой и назван «Дьявольским местом». Здесь же начертано предостережение купцам и путешественникам избегать остановок на этом береговом участке. Точная причина опасности не указана, поскольку людям, жившим в те времена, в подобных случаях особых пояснений не требовалось, им вполне доставало краткого предупреждения.

Упоминания о нехорошем месте на берегах Невы часто встречаются и в рунах вечных данников шведов – финнов и карел, издревле населявших эти края. В карельских сказаниях место носит название «Чертова берега».

После основания Петербурга на «Чертовом берегу» поселились смолокуры, курящие смолу для нужд города и флота. Среди петербуржцев смолокуры пользовались недоброй славой, так как издавна слыли людьми, тесно знающими с нечистой силой.

В XIX веке мрачные смолокурни снесли. На их месте Джакомо Кваренги начал строительство Смольного института. Какой-то древний старик пришел рассказать архитектору о многих таинственных происшествиях, связанных с этой местностью, но заносчивый итальянец не пожелал слушать мудрого человека, а приказал «гнать в шею старого пня».

На рубеже веков благородные воспитанницы Смольного безумно боялись, даже днем, подходить к пустующему, наглухо закрытому флигелю института, где по ночам был неоднократно замечен плавно скользящий призрачный силуэт. Начальство пансиона не придавало большого значения разговорам о призрачном видении, относя их на счет обычных девичьих страхов. Однако окончилось это довольно печально. Институтский истопник Ефимка Распадков решил похвастать своей недюжинной храбростью. Он сообщил ряду старших воспитанниц, что ближайшей ночью имеет намерение проникнуть во флигель. Добрая половина смолянок из окон своих спален видела, как истопник прошел по двору, открыл дверь помещения и шагнул внутрь. Минут час, другой. Ефимка не выходил. Девушек потянуло в сон. А утром выяснилось, что младший истопник не исполнил своих обязанностей и его нигде не могут найти. Кто-то подсказал место, где нужно искать. Правда, дверь флигеля оказалась закрытой на ключ. Ржавый замок отомкнули, но Распадкова не нашли. Вообще, кроме ломаной мебели и засиженного мухами бюста Вольтера, ничего другого там обнаружить не удалось. Так и пропал Ефимка-истопник, бесследно и неизвестно куда.

Впрочем, его загадочное исчезновение вскоре перестало кого бы то ни было волновать и наводить на ужасные размышления. С закопченных фабричных окраин в Смольный пожаловал ужас иной, который без долгих затей выкинул из пансиона всю благородную публику.

Ленин и Печник

О революции 1917 года известно достаточно много. Но исследования историков продолжаются, в научный оборот вводят новые документы, ранее недоступные ученым. Одним из таких документов из закрытых фондов Истпарта является стенографическая запись воспоминаний старого большевика Алексея Гудкова, имеющая непосредственное отношение к нашей теме:

«В октябре под штаб революции заняли Смольный. Мне, как помощнику коменданта, приходилось в этот период отлавливать шпииков и прочий подозрительный элемент. Однажды смотрим, сомнительный субчик крутится рядом со Смольным.

– Эй, ходи сюда. Кто таков? – говорим.

– Потомственный пролетарий, – отвечает. – Разве не видно?

Спасибо товарищ Бутылкин, рабочий с Нарвской заставы, оказался бдительным малым.

– Врешь, шкура! – как закричит. – Я его знаю, это – сын фабриканта Печника, кровососа рабочего класса!

Взяли субчика в оборот, обыскали. Нашли браунинг и удостоверение на имя Рудольфа Печника, вольноопределяющегося 2-го ударного батальона Павловского ея императорского величества юнкерского училища.

Ведем арестованного по штабу, а он кроет нас последними словами.

– Хамы! – орет. – Быдло чумазое!

Навстречу комендант Павел Мальков. Подошел, спрашивает:

– Который тут пролетариев оскорбляет, этот? – выхватил маузер и в лоб арестованному – ба-бах!

На выстрел народ сбежался, целая толпа. Из кабинета Владимир Ильич вышел.

– В чем дело, товарищи? – спрашивает.

Мальков растерялся, давай что-то мямлить.

– Четче. Короче и четче, – требует Владимир Ильич.

Павел с духом собрался и доложил, мол, исходя из революционной целесообразности ликвидировал вредного паразита.

– И поступили, товарищ Мальков, архиразумно. И впредь руководствуйтесь в поступках революционной целесообразностью, не ошибетесь, – Ленин ему говорит.

А время – вперед! Невпроворот великих планов и дел. Только начали мы замечать, что дорогой наш Ильич стал каким-то подавленным и пугливым, но в чем причина, никак не поймем.

И вот однажды ночью идем с комендантом по Смольному, посты проверяем. Вдруг из ленинской комнаты слышим протяжный, испуганный крик, затем оттуда выскакивает Владимир Ильич да как припустит по коридору, только его и видели!

Мы – оружие на изготовку и в кабинет. А там такая картина: из полумрака дальнего угла проступает бледное человеческое лицо. Глаза остекленелые, губы подернуты трупной синевой, а из пробитого лба медленными сгустками вытекает темная кровь. Мгновение – и в углу пусто, лишь в кабинете стоит запах могильного тлена. Но все же мы успели узнать в том кошмарном лице недавно застреленного Рудольфа Печника!

Вот какой оказалась причина странной боязни Владимира Ильича, к которому повадился по ночам приходить с того света мертвец. И главное, как в таком случае поступать, никто из партийцев не знает. Ситуация! А тут еще председатель Центробалта Дыбенко на Павла буром попер:

– Баклан ты, а не революционный буревестник, если не способен на вверенной тебе территории буржуйскую мертвечину к ногтю прижать!

Страшно обиделся Павел Мальков на такие слова. Собрал митинг и поклялся на нем того проклятого мертвяка, шкуру кадетскую, шарахнуть так, чтобы от него одна смола осталась. Для чего повесил себе на пояс пять бомб с усиленным зарядом. И, будьте уверены, шарахнул бы, но не успел. ЦК партии, ограждая Ильича от жутких визитов ночного гостя, принял решение о срочном переезде советского правительства из Петрограда в Москву.

По первости, помню, когда случалось мне рассказывать об этом диком кошмаре, то товарищи называли меня не иначе как «контрой» и даже пару раз сильно избили. Они считали, что подобный факт из биографии Ильича выдуман мною в злых целях и что подобное – вообще невозможно. Поэтому сейчас, выступая перед аудиторией, я выбираю подходящий момент, пока партийцы еще не успели возмутиться и драться не бросились, и крою убедительным аргументом.

– Думаете, товарищи, это невозможно? – говорю. – Царя сбросить тоже кое-кому невозможным казалось, а мы – сбросили. У нас, большевиков, все возможно!

Против такого моего довода возражений у товарищей не наблюдается, что очень приятно. Хоть и с оговорками, но они теперь со мной соглашаются, да и бить меня перестали, что также не может не радовать».

Киров с нами

В декабре 1934 года в Смольном был застрелен вождь ленинградских большевиков Сергей Миронович Киров. Прошло чуть более года, и по городу пополз слух о том, что по ночам в коридорах Смольного появляется призрак убитого. Первым с ним столкнулся начальник АХО товарищ Грызодубов:

– Идет как живой, только холодом от него веет и затылок, куда пуля вошла, раздроблен и весь черный от крови, – по секрету рассказывал он своим друзьям и знакомым.

Этот рассказ долгое время циркулировал по Ленинграду, доводя до бешенства больших большевистских чинов и сотрудников аппарата НКВД. Тем более что какой-то гражданин завалял управление НКВД анонимными посланиями, в которых под факт появления призрака ловко подводил политическую платформу.

«Мируныч волнуется! Это значит, что городское партийное руководство отступает от ленинско-сталинских принципов и ведет дело в гнилое троцкистско-бухаринское болото. Нужны решительные меры по исправлению ситуации, иначе дождетесь появления Ильича!» – дерзко писал аноним.

Во время войны призрак Кирова видели особенно часто. Обычно его силуэт – темный и неподвижный – появлялся на крыше Смольного. Поначалу зловещую фигуру принимали за здорового фашистского парашютиста и вели по ней прицельный огонь. Однако вскоре один из офицеров охраны через оптику снайперской винтовки отчетливо рассмотрел в отблесках пожаров характерный кировский зачес, знакомые черты лица, солдатскую гимнастерку и широкий ремень. Только тогда всем стало ясно, кто ночами появляется на крыше здания, вздрагивающего от близкого грохота зениток и взрывов тяжелых фугасок.

Начальник охраны поспешил доложить об этом руководителям обороны. Правда, выбрал не самый подходящий момент: немцы прорвали Лужский оборонительный рубеж и выходили на ближние подступы к Ленинграду.

– Ты что, майор, идиот?! Киров у него на крыше стоит! По-твоему, мы знать обязаны, куда ты бойцов на посты расставляешь?! – такотреагировал на доклад маршал Ворошилов, подавленный фронтовыми неудачами.

Практически всю войну призрак Кирова находился на крыше. Бывало, командир батареи ПВО, защищающей Смольный, глянет наверх и кричит артиллерийским расчетам:

– Киров с нами, ребята! – и зенитчики еще яростнее бьют по фашистским стервятникам.

В послевоенные годы Кирова встречали гораздо реже. Последний раз он появился в августе 1991 года, когда после провала ГКЧП коммунисты покидали здание Смольного. Его появлению предшествовал внезапно возникший ледяной холод, а затем из пустоты материализовался и сам Сергей Миронович. Вид призрака был предельно жутким и угрожающим.

– Что, сукины дети, просрали советскую власть?! Ну, я вам! – раздался глухой, замогильный голос, и Киров, погрозив собравшимся кулаком, исчез столь же стремительно, как и появился.

Это было так неожиданно и страшно (особенно кулак – жилистый и огромный), что одному из коммунистов стало плохо.

С тех пор призрак известного большевика больше не видели. Правда, заслуженные работники Смольного уверяют, что он никуда не пропал, просто затаился на время. По всей видимости, они знают, о чем говорят, старые люди в таких делах ошибаются редко.

Заклятие Аменхотепа

Заклятие фараона Аменхотепа (Аменофиса) родилось во мраке нубийских ночей в таинственных подземельях Фив. Природа его темна и загадочна, как и время правления самого фараона – XV век до н. э. Современная египтология относит закливание к разряду исторических мифов. Но это не так. Ошибка ученых может дорого обойтись человечеству. В начале нового столетия зловещее закливание Аменхотепа должно обрести силу. Город Петербург – место грядущего ужаса.

Не произносите в Египте слово «Аменхотеп»

Случилась эта история во время постройки Асуанской плотины. Молодой советский инженер Юрий Рунов решил выразить чувство искренней дружбы группе египетских землекопов. Сделал он это без помощи переводчика, а просто и доходчиво, на скверном арабском.

– Насер Гамаль Абдель, – сказал Юрий Рунов. – Мир, труд, май, товарищи египтяне!

– Аллах акбар, – степенно ответили землекопы.

И Рунова понесло:

– Рамсес, Тутанхамон, Фивы, – важно произносил инженер, а под завязку поднапряг память и выдал: – Аменхотеп! – при этом дружески хлопнув по плечу ближайшего землекопа.

Все, что произошло в следующий момент, было диким и непонятным. Рабочий, который удостоился хлопка Рунова, смертельно побледнел, затем побагровел. Остальные страшно загалдели и вдруг кинулись на инженера, угрожающе воздев совковые лопаты. И быть бы на стройке серьезному ЧП, не окажись поблизости египетских инженеров, сумевших остановить и успокоить разгневанных землекопов.

Советское посольство выразило протест по поводу немотивированного нападения местных рабочих на Юрия Рунова. Мухафаз (губернатор) Асуана выслушал претензии, схватился за голову и горестно застонал:

– Горе нам, лучше бы ваш инженер назвал правоверного Саида иудейской собакой, чем Аменхотепом. Теперь землекоп обязательно убьет советского инженера!

– Позвольте, позвольте – горячо возразил сотрудник посольства Лев Ефимчик, – насколько мне известно, Аменхотеп – имя фараона. При чем же здесь убийство инженера, а главное – иудейская собака?

– Уважаемый, Аменхотеп было когда-то именем фараона, но вот уже несколько тысячелетий, как в Египте нет более гнусного оскорбления, нежели это проклятое слово! – еще горше завопил мухафаз и рассказал советским представителям мрачную историю о самом страшном правителе Древнего Египта.

О временах правления Аменхотепа сведений осталось немного. Известно, что боевые колесницы фараона простерли границы его владычества на огромную территорию от нижнего течения благодатного Нила до суровых пустынь Верхней Нубии. При нем началось возведение Мемноновых колоссов и строительство подземных галерей в древних Фивах (ныне Луксор). Сохранился и такой факт, что за всю историю Египта Аменхотепу не было равных в знании запретных учений, за исключением его наставника, некоего сирийца по имени Хапу, обучившего фараона черной магии и колдовству. Итогом знаний Аменхотепа стал созданный им колдовской культ, жуткие обряды которого происходили в таинственных фиванских подземельях.

Однако ученые склонны относить тайные поклонения фараона к области досужих фантазий, поскольку прямых доказательств существования культа нет. Точнее, их никто не смог отыскать. В XIX веке английскими археологами предпринимались неоднократные попытки проникнуть в нижний ярус фиванских подземных галерей, но все они заканчивались неудачами, связанными со смертью либо бесследным исчезновением отдельных ученых. Более того, в 20-х годах XX столетия власти Египта по непонятным причинам вообще запретили исследование подземелий, замуравовав все известные входы и выходы.

Между тем в сельских районах Египта с незапамятных времен бытует предание о том, что в обрядах своего колдовского культа Аменхотеп использовал тела забальзамированных мертвецов. Потрясенный в зловещих целях прах мертвых обернулся жуткими последствиями для живых. В окрестностях Фив начались нападения мумий на людей! Особенно частыми они стали в XVIII веке, когда жители целых селений были вынуждены уходить в более безопасные районы страны. Последний случай нападения трупа на двух подростков из селения

Эль-Кабир, расположенного на берегу Нила, произошел в 1949 году. Впрочем, власти сочли виновниками гибели подростков гигантского нильского крокодила, хотя крестьяне, недовольные таким заключением, едва не убили полицейского чиновника, проводившего дознание.

– Именно из-за мертвецов, которым, как гласит предание, для вечного успокоения необходима живая человеческая плоть, народ проклинал Аменхотепа, и со временем его имя попало в самый гнусный разряд египетской ненормативной лексики, – рассказывал мухамет советским представителям, а закончил свое повествование так: – Если верить тому же преданию, то скоро должна проявиться вся черная сила Аменхотепа. Перед своей смертью фараон наслал заклятие на посланцев бога Инпу. С их пробуждением наступит конец света. Крестьяне уверены, что это произойдет в новом столетии.

Советскую сторону объяснение удовлетворило, инцидент был исчерпан. В посольстве приняли решение обязать всех советских специалистов дать подписку о неупотреблении на территории Египта слова «аменхотеп», а Юрия Рунова, с формулировкой «за неуважение к местным обычаям», отправили обратно в СССР.

Забывтое происшествие XIX века

В 1833 году в Санкт-Петербург был доставлен необычный груз. В двух внушительных деревянных ящиках находились гранитные изваяния сфинксов, обнаруженные при раскопках древних Фив.

Главные хранители Египетской коллекции Академии наук Эрик фон Заузе и Иван Армяков приступили к изучению уникального поступления. Их мнения совпали в одном: изваяния насчитывают несколько тысячелетий и относятся к эпохе правления фараона Аменхотепа.

Однако в дальнейшем между учеными начались разногласия, вызванные дешифровкой иероглифов, выбитых на граните. Эрик фон Заузе прочел их как перечисление всех титулов фараона. Иван Армяков настаивал, что в иероглифах заключен иной смысл, на что указывает неоднократно повторяющийся символ Инпу – бога загробного мира, который никоим образом не может иметь отношения к титулам фараона.

Со временем спор двух ученых перерос в откровенную перебранку и завершился потасовкой. Скандал в Академии наук дошел до императора Николая I, который в высочайшем рескрипте не только выразил свое недовольство поведением двух ученых мужей, но и повелел передать изваяния сфинксов архитектору Константину Тону для его проекта по украшению Кадетской (ныне Университетской) набережной Петербурга.

В июльский полдень 1834 года состоялась церемония открытия гранитного спуска к Неве напротив здания Академии художеств. Едва успел попечитель изящных искусств великий князь Константин Павлович произнести приличествующую случаю речь, как из толпы выступила некая мрачная личность. Это был ученый Армяков. Подбежав к изваянию одного из сфинксов, установленных на каменных постаментах спуска, он страшным голосом прокричал: «Не допущу!» – и, выхватив из-под сюртука огромную кувалду, с яростью обрушил ее на тысячелетнюю египетскую древность.

Дюжие полицейстеры тотчас схватили злодея и поволокли в околоток. Некоторое время в Петербурге бурно обсуждалось данное происшествие, но постепенно интерес к Армякову угас, и общество переключилось на обсуждение других городских скандалов.

О дальнейшей судьбе ученого никаких известий не сохранилось. И, вероятнее всего, странный поступок египтолога так до конца и остался бы не проясненным, а памятью о нем служил внушительный скол, оставленный армяковской кувалдой на гранитном челе одного из сфинксов, если бы спустя 150 лет в руки потомкам не попало научное наследие Армякова.

Наследие Армякова

В 1984 году проводился капитальный ремонт комплекса зданий Ленинградского университета. В одном из корпусов, где с начала прошлого века располагались жилые квартиры учеников, выпускник строительного ПТУ рушил кирпичную перегородку. Внезапно лом подозрительно легко вошел в стену и вместе с кирпичами и кусками штукатурки к ногам молодого рабочего упала железная шкатулка. Когда ее вскрыли, то обнаружили пожелтевшие бумаги, датированные XIX веком.

Находку передали в Ленинградское отделение АН СССР, где ее определили в архив. Там бы и пылиться обнаруженным бумагам, не наткнись на них аспирант Семен Цибики, установивший, что в архив попало наследие забытого петербургского египтолога Ивана Армякова. После его изучения аспирант с трепетом понял, что держит в руках совершенно новую методику дешифрования древнеегипетской письменности, которая не только перечеркивает установившиеся методы прочтения египетских текстов, но и ставит под сомнение все ранее накопленные знания по истории Древнего Египта!

Аспирант рассказал об открытии своему научному руководителю академику Галангусейнову, личности весьма высокомерной и безапелляционной в суждениях.

– Вы не египтолог, а осел, – строго сказал академик Семену Цибику. – Подумать только, увидеть в бреднях какого-то Армякова новую методику дешифрования! Выходит, что мои монографии «Древнеегипетские граффити» и «Ленинское учение в стране пирамид» – псевдонаучные труды и я не ученый, не лауреат Ленинской премии, а шарлатан?!

Аспирант ушел от руководителя, словно оплеванный, но изучения наследия не прекратил. Напротив, чем глубже он вникал в записи Армякова, тем больше убеждался в гениальности его метода прочтения древней письменности (схему армяковского дешифрования излагать не имеет смысла, поскольку она интересна лишь узкому кругу специалистов). Но особенно Цибики был поражен, когда дошел до записей Армякова, где последний приводил новое толкование надписей на египетских сфинксах, установленных на набережной Невы. Выходило, что иероглифы, выбитые на их гранитных основаниях, не имеют никакого отношения к титулам Аменхотепа, а являются страшным заклинанием фараона-чернокнижника. «Я – тот, кто закроет Свет и откроет путь Тьме», – гласил текст на граните. Далее в строгом соответствии были выстроены тайные символы мрачных божеств Инпу, Сета, Нефтиди и обители мертвых – Абидоса, что в целом составляло сложную магическую формулу заклания. А завершалось оно так: «С исходом ста тысяч Лун будет нарушен покой владык молчания и разрушены предначертания богов. Откроют глаза и выйдут наружу те, кого видел Я, и придет царство Тьмы. Да будет так! Великий Инпу маат хаперрасенеб ипувера Абидос атум птаххотеп!»

– Поначалу я не придавал большого значения смыслу заклания, но после знакомства с Самуилом Толбачеком мое отношение к этому изменилось, – позже признался Семен Цибики.

Имя Самуила Толбачека (пропал без вести при изучении аномальных явлений на Киновиевском кладбище в 1988 году) было широко известно в среде городских знатоков оккультных учений. Именно он первым пришел к выводу о том, что надписи на сфинксах могут служить реальным доказательством некогда существовавшего в Египте тайного колдовского культа, не известного современной науке. По его мнению, этот культ соединил в себе традиционную египетскую магию и знание чернокнижников Ассирии, Шумера и древней страны Пунт (район современного Сомали). В тексте заклания присутствуют непередаваемые обрядовые фразы (маат хаперрасенеб и др.), встречающиеся только в колдовских манускриптах этих стран древнего мира, таких, как «Песнь ночи», «Свод тайного» и «Природа черных духов пустынь», фрагменты которых сохранились до наших дней. Кроме того, Самуил обратил внимание на явную связь между закланием и неудачной попыткой ученого Армякова уничтожить

одного из сфинксов в 1834 году. Эту попытку он истолковал как догадку египтолога о чем-то ужасном и желание предотвратить этот ужас.

А незадолго до своего бесследного исчезновения Толбачек сделал следующее заключение:

– Если говорить о силе заклѣтия и его негативных последствиях, возможны два варианта. Первый: вместе с забвением культа заклѣтие превратилось в пустую угрозу. И второй: за минувшие века древнее Зло обрело страшную силу. Воплощение этого Зла в тех потусторонних существ, о появлении которых предупреждает заклѣтие, может оказаться причиной непредсказуемых последствий. А так как набережная, где установлены сфинксы, издавна имеет плохую репутацию, то наиболее вероятно, что события будут развиваться по второму варианту.

Нехорошее место

То, что гранитный спуск к Неве с изваяниями сфинксов – место нехорошее, впервые было документально зафиксировано в 1938 году. Летом этого года Ленгорстройтрест проводил работы по реставрации гранитной облицовки Университетской набережной. Внезапно пескоструй комсомольской бригады Вячеслав Кочан направил мощную струю песка из пневмошланга, как было сказано в протоколе, «в ухо комсорга бригады тов. Беляевашвили, нанеся ему контузию и тяжелое увечье». Затем комсомолец Кочан при помощи шланга разогнал остальных членов бригады и принялся гонять, все тем же шлангом, благо длина позволяла, студентов, выходящих из Академии художеств. Бесчинство прекратили сотрудники милиции, скрутившие хулигана, но поскольку при задержании он орал, что «способен надрать задницу самому товарищу Сталину!», его незамедлительно отправили в управление НКВД на Литейный, 4.

Уже на первом допросе чекисты принялись нещадно избивать несчастного Кочана, так как он не на шутку их разозлил. Пескоструй утверждал, что все произошло помимо его воли, словно под гипнозом. Во время обеденного перерыва он внимательно изучал изваяния сфинксов, когда почувствовал, как какая-то непонятная сила полностью овладела его сознанием. От страха комсомолец едва не отдал концы, но уже через мгновение он услышал далекий тихий голос, обращенный к нему. Таинственный шепот исходил неизвестно откуда, звучал мягко, успокаивающе. Все, о чем он вещал, Кочан не запомнил, но слова «принести жертву», прозвучавшие резко и властно, воспринял как приказ и немедленно приступил к его исполнению. «Невиноватый я!» – бился в истерике арестованный.

Передавая дело в суд, на папке, где в первоначальных показаниях пескоструя фигурировал факт необъяснимого явления, следователь Буздыкин, вероятно в назидание потомкам, начертил твердой рукой: «Товарищ, прочти и запомни, как хитер и изворотлив враг, бди неустанно!»

Другой факт, также из области загадочного, был подмечен давно, но только в прошлом году на него обратили внимание. Близ гранитного спуска с изваяниями сфинксов с каким-то жутким постоянством всплывают, покачиваясь на волнах и тыкаясь осклизлыми головами в гранит набережной, трупы утопленников.

– В нашем отделе все невские трупы принято подразделять на «нижних» и «верхних», неофициально, разумеется, – рассказывал об этом явлении сотрудник речного ЛОВД Санкт-Петербурга Андрей Журкин. – Поясню: «нижние» – это те, кто утонул в реке ниже спуска со сфинксами. Такие трупы приходится вылавливать в акватории порта, Невской губе и даже у острова Котлин. А «верхние» – это тела граждан, которые погибли в реке выше спуска, к примеру, купаясь у Петропавловской крепости. Так вот они всплывают только в районе сфинксов. На моей памяти не было случая, чтобы «верхний» всплыл где-то в другом месте. Поговаривают, что тут дело нечистое. И если честно, то ребята боятся патрулировать на этом участке реки, особенно по ночам.

Кстати, ряд сотрудников речного ЛОВД обратился к гидрологам, чтобы прояснить ситуацию с трупами. Ученые ничего объяснить не смогли, только больше запутали. Как оказалось, рельеф дна на этом участке Невы не имеет донных перепадов, создающих глубинное вихревое течение, способное сносить в определенную точку реки различные затонувшие тела.

О других не менее таинственных вещах, происходящих близ сфинксов, – странных видениях, подземном гуле и т. д. – также существует немало свидетельств. Их полный перечень был составлен еще Самуилом Толбачеком. К сожалению, после его исчезновения архивом исследователя завладел дальний родственник, весьма подозрительный тип. Он разговаривает с учеными и журналистами через закрытую дверь, всех обзывает «козлами» и дико орет, что никогда и никому не покажет архива.

Кого мог увидеть ученый?

Октябрьским вечером 1997 года ушел из дома и не вернулся кандидат исторических наук Семен Цибик. Перед уходом он сказал домашним, что ему нужно быть на Университетской набережной.

– Я, кажется, знаю, что надо делать, чтобы обойтись без кувалды! – таковы были последние слова ученого.

Через день родственники обнаружили Семена в неврологическом отделении больницы на улице Костюшко. Состояние его было тяжелым – левая часть тела парализована, речь отнялась, в глазах застыла тоска и животный страх.

Заведующий отделением успокоил родных:

– Жить будет, но лечиться придется долго. Нет, это не сердце. Он перенес какое-то страшное потрясение. В моей практике такие случаи уже встречались. Но там причина потрясения была ясна, а вот с вашим больным полной ясности нет. Думаю, о причине мы узнаем, когда к нему вернется речь.

– Надо полагать, что причиной окажутся антисемиты, – пришел к заключению дядя Семена Исаак Гоц.

– Я-а ых-х выэ-эл, – вдруг громко замычал Семен.

– Что, что он сказал? – заволновались родственники.

– Я их видел, – перевел опытный врач.

– Кого, антисемитов? – насторожился дядя Гоц.

Доктор пожал плечами и сделал больному успокаивающий укол.

В декабре Семен Цибик был выписан из больницы. Полностью излечиться ему не удалось, он остался заикой, окосел на правый глаз и заметно подволакивал левую ногу. О том, что случилось с ним тем злосчастным октябрьским вечером, ученый упорно молчал, а любая попытка расспросить оканчивалась одинаково – Семен начинал волноваться, плакать и, пугливо озираясь, пытался куда-нибудь спрятаться. В феврале 1998 года он выехал на постоянное место жительства в Израиль.

Скорее всего, происшествие с ученым так и осталось бы очередной тайной нехорошего места на Университетской набережной, если бы не давние расчеты Самуила Толбачека. Он установил, что «исход ста тысяч Лун» по древнеегипетскому календарю придется на седьмой год XXI века. Как пророчит заклятие, именно тогда и появятся те, кто принесет с собой Тьму.

Вероятно, Цибик сумел найти способ, позволяющий разрушить силу заклятия и предупредить появление древнего Зла, скрытого внутри каменных сфинксов. Попытка остановить грядущий ужас едва не стоила ученому жизни. Словом, нам еще предстоит увидеть тех, кого некогда заклил фараон Аменхотеп и чьи жуткие силуэты удалось рассмотреть отважному Семену Цибик. Следует заметить, что это зрелище будет не для слабонервных.

Место страшное, нехорошее...

На этом петербургском кладбище несколько лет хоронили людей, умерших насильственной смертью. И похоронили немало. В 30-х годах кладбище было закрыто и официально объявлено мемориальным. Но от этого мрачная суть захоронений осталась неизменной, а по городу о них поползли слухи, страшные, нехорошие...

Жертвы революции

Во времена Петра I на левом берегу Невы лежала обширная пустошь, которая называлась Потешным полем. На нем устраивались воинские смотры и увеселительные гулянья с запуском шутих и фейерверками. После смерти Петра поле стали именовать Царицыным лугом, поскольку на его южной части был построен дворец Екатерины I. С начала XIX века Царицын луг превратился в традиционное место парадов и смотров. Тогда же за ним закрепилось и новое название – Марсово поле.

В феврале 1917 года в Петрограде произошла революция. В уличных столкновениях с полицией погибло немало народу. Убитых было решено похоронить на Дворцовой площади. «Это будет как символ крушения того места, где сидела гидра дома Романовых», – написали «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов». Против подобной затеи выступил Максим Горький и группа деятелей культуры, предложив использовать для захоронения территорию Марсова поля. Предложение творческой интеллигенции было принято.

23 марта состоялись похороны жертв Февральской революции. Под пламенные речи и звуки Марсельезы в братскую могилу на Марсовом поле было опущено 180 гробов, обтянутых красной материей. По проекту архитектора Льва Руднева началось сооружение грандиозного гранитного надгробия в виде ступенчатого четырехугольника с четырьмя широкими проходами. На строительство памятника ушло несколько лет.

Новые захоронения на Марсовом поле появились в 1918 году. Это были могилы убитых большевиков Моисея Володарского, Моисея Урицкого, Семена Нахимсона, Рудольфа Сиверса и четырех латышей, стрелков Тукумского полка. При Петросовете была создана специальная комиссия, возглавляемая пролетарием Виноградовым, занимавшаяся подбором мертвых товарищей, достойных быть погребенными на Марсовом поле. В 1919–1920 годах комиссией было похоронено 19 известных большевиков, погибших на фронтах Гражданской войны.

В 1922 году на Марсовом поле состоялись похороны девятилетнего Коти Мгребова-Чекана, юного актера Петроградского героического театра. Это стало причиной недовольства группы большевиков.

– Чем руководствовалась комиссия Виноградова, дав разрешение на захоронение какого-то мальчишки среди заслуженных революционеров? – гневно вопрошал один из недовольных, Петров-Вилуйский, старый большевик.

– Как это чем?! – возмущенно отвечал председатель комиссии тов. Виноградов. – Да если хотите знать, Котя был коммунаром и не хуже некоторых. И вообще, его задавило трамваем. Понимаете, трам-ва-а-ем!

На последнее обстоятельство Виноградов почему-то особенно напирал, но этот довод не был принят во внимание, и комиссию упразднили.

Тем не менее похороны на Марсовом поле продолжались до 1933 года. Последним, кого похоронили здесь, был «сгоревший на работе» секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) Иван Газа. После этого кладбище объявили историческим памятником.

Из истории кошмаров

Одно из первых упоминаний о том, что Марсово поле – место нехорошее, относится еще к временам Екатерины I. Из записок современников известно, что перед сном императрица любила послушать рассказы старух о давних временах. Однажды во дворец доставили чухонку, знавшую немало старинных преданий. Екатерина приготвилась внимать. А старуха, от волнения забыв, что в присутствии императрицы запрещено «пускать шептунов» и рассказывать о страшном, пустилась молоть про ужасы Царицына луга, раскинувшегося прямо напротив дворца.

– Тут, матушка-государыня, на лугу-то энтот, издавна вся нечисть водная обретается. Как полнолуние, они так и лезут, так и лезут на берег. Утопленники синие, русалки скользкие, а то, бывает, и сам водяной в лунном свете погреться выползет, – скрипела чухонка.

– Вот дура старая, до смерти напугала, – сказала Екатерина I и приказала гнать рассказчицу в шею.

Тем же вечером она покинула дворец на Царицыном лугу и больше в нем никогда не появлялась.

Осенью 1905 года в Петербурге случилось загадочное происшествие, добавившее недоброй славы Марсову полю. В одну из ночей по Миллионной улице следовал жандармский наряд. По мостовой стучали копыта коней, и слышался негромкий говор.

– Леволюционеры энти, ну там еврейцы да студенты всякие, самая что ни на есть отпетая сволочь. Народ против царя настраивают и бонбами бросаются, – наставлял двух новобранцев жандармский унтер-офицер.

– Эх, егить твою мать, что вытворяют! – волновалась деревня. – И как их распознать?

– А по очкам. Увидишь, который со стеклышками на носу, – бей, не ошибешься, – учил старослужащий.

Впереди показалась мрачная громада Марсова поля. Несколько фонарей тускло светили на его окраине, дальше простиралась непроглядная тьма.

– Чу! – вдруг насторожился унтер. – Слышите?

В глубине поля раздавались странные звуки, словно по земле хлестали чем-то большим и влажным.

– Чаво это там? – выпучили зенки новобранцы.

Прошелестел порыв ветра и принес из темноты могильный холод, запах тины и вкрадчивый девичий смех. Лошади жандармов испуганно захрапели.

– Но, балуй у меня! – прикрикнул старший наряда.

Приказав подчиненным оставаться на месте, он смело направил лошадь во мрак. Следом в ночи послышался отчаянный крик и удаляющийся конский топот.

Утром дворники поймали на Невском проспекте лошадь со сбитым под брюхом седлом, а на Марсовом поле была обнаружена помятая жандармская фуражка со следами непонятного вещества, напоминающего рыбью слизь. Унтер-офицер бесследно исчез, но его искали недолго. В городе начались массовые беспорядки, и о нем позабыли.

После захоронения жертв революции 1917 года Марсову полю, и без того неухоженному и мрачному, тяжелая глыба надгробья придала по-настоящему зловещий вид. Обыватели старались не появляться на нем в поздний час, а тот, кто не страшился ходить через поле ночью, считался отчаянным человеком.

К началу 30-х годов власти города привели территорию Марсова поля в надлежащий порядок: разбили газоны и цветники, посадили кусты и деревья, установили фонари и скамейки. Ленинградцы гордились мемориалом и смеялись над страхами, связанными с этим местом, утверждая, что эти вредоносные слухи распускают темные бабки и попы.

Между тем в мае 1936 года в психиатрическое отделение больницы им. Фореля был доставлен рабочий Патрубков. Карета «Скорой помощи» забрала его прямо с территории Марсова поля, где он в одночасье рехнулся. Случилось это так. После работы Патрубков купил в магазине четвертинку водки, а по дороге домой решил свернуть в тихое место и «оприходовать» чекушку. Вечерело, когда он расположился на скамейке близ памятника павшим борцам. Вокруг было пустынно, лишь на дальней аллее маршировала группа допризывников. Патрубков отхлебнул из бутылки, занюхал рукавом, крикнул от удовольствия и с изумлением обнаружил стоящего рядом с ним маленького мальчика.

– Тебе чего, пионер? – спросил пролетарий.

Мальчик ничего не ответил. Патрубков хлебнул еще, и тут его насторожила безмолвная фигура ребенка. Он со страхом обратил внимание на запавшие, тусклые глаза, опухшее, синеватое лицо мальчика и почувствовал исходящий от него тошнотворный запах.

– Иди отсюда, засранец! – сказал Патрубков и попытался отпихнуть малого.

В то же мгновение мальчик открыл огромный рот, цапнул мозолистую руку пролетария гнилыми зубами и осыпался на землю кучкой зловонного праха.

На безумные крики рабочего прибежали допризывники, которые и вызвали «Скорую помощь». В больнице психиатр Андриевич, заполняя карточку на нового пациента, бормотал:

– М-да, интересный случай. Похоже на алкогольный психоз, но почему без длительного запоя? И эти странные следы укуса. Что же, будем наблюдать, наблюдать.

Однако наблюдения врача продолжались недолго. Через пару дней Патрубков умер от общего заражения крови.

Брак и нечистая сила

В середине 70-х годов доцент Ленинградского университета Сергей Шлакоблоков приступил к изучению проблем современного брака. В ходе работы была выявлена непонятная тенденция: лидерство Дзержинского района города по количеству распавшихся семей. «Чем же вызвана столь неблагоприятная обстановка?» – заинтересовался доцент и копнул так глубоко и обстоятельно, что после горько об этом пожалел.

Изучение актов записей гражданского состояния Дзержинского района показало, что большинство семей распадались в связи с преждевременной смертью одного из супругов. Затем доцент выяснил следующее. Оказалось, что в 1970 году работники Дворца бракосочетания Дзержинского района выступили инициаторами новой традиции: возложения новобрачными цветов на местах боевой и трудовой славы. Городские власти поддержали полезное начинание и определили каждому из 16 районных загсов место для проведения нового советского обряда. Например, в Московском районе цветы следовало возлагать к мемориалу защитникам Ленинграда, в Нарвском – к главной проходной Кировского завода, а в Дзержинском – к памятнику павшим борцам революции на Марсовом поле. И, как установил Шлакоблоков, в семьях молодоженов, возлагавших цветы на могилы революционеров, вскоре происходили несчастья. В то же время новобрачные, проигнорировавшие данное мероприятие, продолжали жить в любви и согласии.

Доцент также нашел нескольких человек, бывших свидетелями того, как на Марсовом поле к свадебным процессиям пристраивался какой-то облезлый, неестественно бледный тип. Он появлялся неизвестно откуда и столь же внезапно пропадал, словно растворялся в воздухе. По словам очевидцев, облезлый смахивал на мертвеца, тронутого медленным разложением.

Шлакоблоков уловил зловещую опасность, таящуюся на Марсовом поле, но правильно объяснить ее не сумел. Тем не менее он выступил с докладом на расширенном заседании городского партхозактива, где высказал мнение о неблагоприятном влиянии памятника на создаваемые семьи. В итоге доцента исключили из партии, выгнали из университета, а в одной из городских газет появилась статья за подписью некоего Водохлебова, в которой на Шлакоблокова был повешен ярлык антисоветчика и прощелыги.

Что скрывает Марсово поле

Петербургский исследователь Андрон Фридман является одним из наиболее компетентных специалистов по аномальным явлениям. Его комментарий относительно событий на Марсовом поле был следующим:

– В старину среди племен, населявших бассейн Невы, существовало поверье, что на безлесных, болотистых пустошах, встречающихся по берегам рек, ночами происходят шабашы водной нечисти. В карело-финском эпосе «Калевала» имеются строки о том, как один из героев, попав ночью на «берег плоский, берег страшный», спас свою жизнь только чудной игрой на кантеле, очаровавшей утопленников и русалок. А судя по Хольсундскому картографическому атласу 1516 года, на берегу Невы, на месте нынешнего Марсова поля, простиралась глухая пустошь. Поэтому вполне вероятно, что именно здесь герой эпоса улаживал нечисть игрой на музыкальном инструменте.

Однако мерзкие шабашы – не главная причина таинственных событий на Марсовом поле. Захоронения 1917–1933 годов – вот основа всех ужасов и кошмаров. Во-первых, кладбище было заложено без церковного освящения и, так сказать, на крови людей, погибших в ходе братоубийственных столкновений. Это уже изначально не могло превратить захоронения в место вечного упокоения мертвых. А во-вторых, само надгробие архитектора Руднева способствует накоплению на кладбище потусторонней энергии, представляющей опасность для живых. Дело в том, что в начале века Лев Руднев входил в число адептов так называемого Общества Миктлантекутли, а точнее, в секту поклонников колдовских культов индейцев Центральной Америки (Миктлантекутли – бог подземного царства). Его приверженность к тайнам учения ацтеков и майя нашла свое воплощение в проекте надгробия на Марсовом поле – стилизованной копии заупокойных храмов Юкатана. Как известно, эти древние храмы обладают способностью концентрировать страшную энергию мертвецов. Каким образом? Этот жуткий секрет остается неразгаданным и поныне. Однако можно с уверенностью сказать, что Руднев сумел постичь тайну храмов, о чем свидетельствует его сооружение на Марсовом поле.

В настоящий момент аномальщики Санкт-Петербурга проводят ряд экспериментов по изучению действия этой зоны негативной энергии, если не сказать больше: постоянно открытого канала между нашим физическим миром и нижними слоями астрала, в которых сосредоточены силы потустороннего зла. Также проводятся опыты по закрытию канала средствами, которыми располагают исследователи аномальных явлений. Но самым простым решением вопроса было бы уничтожение надгробия. Однако как доказать необходимость этого городской администрации? Разве что пригласить на ночную экскурсию, надеясь, что чиновники, столкнувшись с чем-то зловещим, сами поймут неизбежность этого шага.

Таков был комментарий Андрона Фридмана. К совету специалиста не мешает прислушаться. Хотя бы ради того, чтобы не столкнуться на Марсовом поле с мертвым мальчиком и не отведать его гнилых зубов...

Петербургские некроманты

Приходилось ли вам бывать близ Чесменского дворца, расположенного в Московском районе Санкт-Петербурга? Если да, то, верно, вы обратили внимание на невысокий гранитный камень неподалеку от западного крыла здания. Камень этот довольно странный, похожий на постамент, но без всякой пояснительной надписи. И никто не может точно объяснить, когда и с какой целью он был установлен.

Но если случится вам побывать у дворца в полночь 20 июля, то вы сумеете лично убедиться, что камень и его месторасположение имеют свое определенное предназначение, причем не просто странное, а скорее даже таинственное. Однако не ожидайте увидеть что-либо сверхъестественное. Все, что произойдет здесь июльской ночью, будет выглядеть достаточно обыденно и скучно.

Ровно в полночь вокруг камня сойдутся пять или шесть человек. Молодых и старых, мало чем примечательных, кроме как тяжелыми одинаковыми тростями. Собравшиеся обменяются приветствиями, нанесут на гранит непонятные знаки и молча разойдутся – каждый в свою сторону.

Сторонний наблюдатель решит, что компания полуночных тростевладельцев – обычные тихие психопаты, какие в наше время встречаются часто. Кое-кто предпочтет удалиться от подозрительной компании на безопасное расстояние. И кстати, поступит весьма разумно, ибо никогда не было, нет и не будет в нашем городе более загадочных и страшных обитателей, владеющих секретами темного и ужасного учения, чем петербургские некроманты. Полночь 20 июля – время их обязательного ритуала, который посвящен мрачной личности того, кто стоял у истоков петербургской некромантии.

Загадочный маркиз де Бирс

Сведения о жизни маркиза де Бирса скудны и противоречивы. До сих пор остаются неизвестными год, место рождения и род его занятий до прибытия в Россию. Дата смерти также остается загадкой.

Ряд зарубежных исследователей считает, что он родился в конце XVII века в Йоркшире, долгое время находился на королевской службе, из-за увлечения оккультизмом подвергся преследованию, был вынужден сменить имя и бежать в Россию. По другой версии, маркиз появился на свет во Франции, в качестве офицера-наемника участвовал в московском походе Карла XII. Под Переволочной попал в плен, был привезен в Москву, где близко сошелся с известным чернокнижником Яковом Брюсом, который перед кончиной передал ему все свои тайные знания.

О смерти де Бирса также существует немало догадок. Одни исследователи полагают, что он погиб в 1760 году в Петербурге рядом с Литейным домом, когда пьяный гвардейский офицер Иван Протасов ударом кулака насмерть зашиб «иноземного мага, дабы оный не чванился и картуз перед офицером снимал». Другие считают, что в 1763 году маркиз был-таки уличен как чернокнижник, заточен в Петропавловскую крепость, по приговору тайного суда казнен, труп его сожжен, а пепел выстрелом из пушки развеян над Невой.

Однако оставим версии в покое. Остановимся на фактах, сомнению не подлежащих.

Известно, что де Бирс обладал колоссальными познаниями в области алхимии, астрологии, оккультизма. Знание темных, запретных учений Европы, древних колдовских обрядов и культов Шумера, Египта и Магриба позволили ему проникнуть за ту незримую черту, которая отделяет наш мир от мира Тьмы. Проникновение это зашло столь далеко, что сейчас сложно ответить – был ли де Бирс человеком вообще или же за человеческой плотью скрывалось уже нечто иное? Настолько сильно владел он невероятной способностью общения с потусторонним миром. Во всяком случае, именно де Бирс с полным правом может считаться российским основоположником того запредельного и жуткого гадания с помощью мертвых, название которому – некромантия (не путать со спиритизмом!).

В Петербурге де Бирс появился летом 1758 года. Появился, как пишет современник, в окружении многочисленных дураков, карлов и карлиц. В местечке Кикерейскино (Лягушачье болото), что находилось близ Средней Рогатки, приобрел большой деревянный дом, где и разместился со всей своей челядью.

Несколько раз маркиз появлялся на увеселительных ассамблеях. Но запомнился публике не внешностью и манерами, а своими страшными пророчествами о скорой войне с султаном, великом бунте черного люда, убийстве будущего российского самодержца и нашествии на Россию «двунадесяти языков».

В сентябре в городскую полицейскую канцелярию начали поступать первые жалобы от жителей пригородных деревень – Волково, Купсино, Пулково, Кузьмино. Крестьяне жаловались, что якобы де Бирс насылает на их скот порчу и мор, поскольку ночами занимается на Коеровских пустошах чем-то нехорошим – зажигает костры, кричит «разно непотребными голосами», словом, колдует. Жалобам не придали большого значения. Но уже в октябре Петербург был полон слухов о том, что де Бирс не только практикует чернокнижие, но и похищает с этой целью детей. Нашлись свидетели, которые видели, как маркизовы карлы орехами и пряниками заманивали малых ребятишек в дом на Лягушачьем болоте, после чего дети исчезали бесследно.

Генерал-полицимейстер был вынужден для пресечения слухов и установления истины назначить Розыскную экспедицию во главе с капитан-исправником Полуэктовым. В конце октября экспедиция нагрянула в Кикерейскино. Обыску дома предшествовала потасовка. Мар-

кизова челядь отчаянно препятствовала проведению розыскных мероприятий. Войти в дом удалось только после выстрелов вверх и угрозы применения оружия.

Однако ничего уличающего де Бирса в колдовстве и похищении детей обнаружено не было. Внимание полицейских привлекла лаборатория, устроенная в подвале дома, и кабинет с телескопом, астролбиями и собранием древних манускриптов. Де Бирс пояснил, что все это необходимо ему для проведения химических опытов и изучения небесных светил.

При осмотре дворовых построек полицейские наткнулись на груды полуистлевшего детского платья. На вопрос капитан-исправника о его происхождении маркиз спокойно ответил, что дурки из приживалок имеют обыкновение таскать в дом разную дрянь с городских помоек.

На этом Розыскная экспедиция свою работу закончила. Результаты обыска и допроса были зафиксированы в отчете Полуэктова.

Но слухи о жутком хозяине Кикерейскино продолжали циркулировать по Петербургу, обрастая все новыми и новыми подробностями. То стражники на заставе у Средней Рогатки видели поднимающийся в небо столб призрачного света, исходящего с Лягушачьего болота. То мещане Московской слободы слышали страшный вой, доносившейся с Митрофаньевского кладбища, и за полночь видели карету де Бирса, промчавшуюся с той стороны. А утром на кладбище обнаружили несколько вскрытых склепов. Мертвецы не были ограблены, все украшения и богатое платье осталось при них. Просто мертвые в жутких позах застыли в дверях усыпальниц, а рядом четко проступали начертанные на земле каббалистические знаки.

Более того, в апреле 1759 года крестьяне деревни Купсино поймали и насмерть забили трех карлиц, пытавшихся увести с собой нескольких ребятишек, суля им пирогов, блинов и пышек. Перед смертью одна из карлиц созналась, что действовала по приказу маркиза, которому для вызывания мертвых, чтобы от них узнавать будущее, требуется приносить живую жертву, кровь которой должна дать мертвецу необходимую силу для речи.

Что еще не нуждается в доказательствах, так это следующее.

С конца 60-х годов дом в Кикерейскино стоял заброшенным, но продолжал пользоваться среди петербуржцев самой дурной славой. В 1774 году по велению Екатерины II здесь началось строительство дворца в честь победы русского флота при Чесме. Дом де Бирса разобрали до основания. Как пишет современник, при этом было найдено множество самых невероятных предметов от восточных кумганов и кальянов до карт звездного неба и анатомических атласов. Правда, все вещи от сырого климата пришли в полную негодность. В хорошей сохранности в тайнике была обнаружена лишь старая рукопись, которой завладел архитектор Фельтен. Очевидец – зодчий польского происхождения Пшебельский – полагает, что рукопись могла принадлежать маркизу де Бирсу и представляла собой подробное описание его темных тайн, знание которых дает возможность заглянуть в Бездну.

История петербургских некромантов

Первые документальные сведения о петербургских некромантах датируются концом XIX века, конкретно – 1889 годом. В марте этого года профессор естествознания Петербургского университета Кундюк-Кагарлыцкий по случаю приобрел некий старинный рукописный текст, о чем с гордостью поведал коллегам. По его словам, рукопись являлась неизвестным письменным памятником ранней послепетровской эпохи, посвященным оккультным учениям. Более полную информацию ученый обещал представить после детального ознакомления со своим нечаянным приобретением.

После этого профессор не появлялся в университете четыре дня. Когда коллеги посетили квартиру профессора, то увидели такую картину. Кундюк-Кагарлыцкий сидел в кабинете безумный и совершенно седой. По общему мнению, внезапное безумие застало его за чтением рукописи.

Безумного поместили в клинику Ламперта, где он проявлял агрессивность и бешено орал по ночам: «Тгандра йешуа йаингангах!» (в истории болезни записано как «бессвязный бред», на деле – неверно произносимое древнее магическое заклинание). В конце концов профессор доорался. В один из дней его обнаружили мертвым, с лицом, искаженным неопишуемой гримасой ужаса (знатоки полагают, что Кундюк-Кагарлыцкий сумел-таки правильно произнести заклинание и вызвать из мира Тьмы того, кого этим заклинанием и следует вызывать).

А вот рукопись бесследно пропала. Пропажа произошла в момент, когда несчастного отправляли в клинику для душевнобольных. Подозрение пало на некоего приват-доцента Гангуса, по отзывам коллег – личность несносную, убежденного социалиста.

Между тем Гангус внезапно бросил преподавание в университете и съехал с Малой Посадской в трущобы Чугунного переулка, в район Автова, рабочей окраины города. С этого момента дом № 6, где поселился приват-доцент, получил название «Чертова дома». Днем он казался вымершим и нежилым, но по ночам за его стенами начиналась странная жизнь. То слышались невнятные голоса и протяжные стоны, то сквозь плотно задернутые шторы пробивались отсветы мертвенного света, то из трубы печного отопления начинали валить клубы черного дыма. Случалось, что вечерами к подъезду дома подкатывала пролетка с молодой женщиной благородного вида. Она входила внутрь, но никто из местных жителей не видел, чтобы хоть раз кто-нибудь из приехавших женщин покидал бы «Чертов дом» (стоит заметить, что в 1932 году во время работ строители наткнулись в подвале дома № 6 на восемь человеческих скелетов).

Начало 1899 года было отмечено в Петербурге рядом необъяснимых происшествий. На городских кладбищах неизвестно кем и для чего вскрывались захоронения и извлекались мертвые тела. Самым необъяснимым было то, что могилы вскрывались каким-то необычным способом, без помощи даже простейшего инструмента типа лопаты. Все выглядело так, как если бы мертвец выдирался из-под земли сам.

«Кто тревожит прах?», «Предзнаменование конца света!», «Куда смотрит полиция?» – кричали заголовки петербургских газет. Но далее газетной шумихи дело о вскрытых могилах не сдвинулось.

XX век стал веком повального увлечения магией и оккультными учениями. В Петербурге возникали различные общества: «Общество магов и провидцев», «Общество хиромантов», вплоть до – «Белая магия – за содействие глухим, слепым и паралитикам». На этой волне в 1904 году возникло «Общество друзей Аида» (в греческой мифологии бог Аид – владыка царства мертвых), где председателем был Гангус. От всех обществ подобного толка «аидовцев» отличала полнейшая закрытость. Когда известный мистик и спирит граф Бадальянц-Эчмиадзинский изъявил настойчивое желание о вступлении в общество, ответ ему был краток: «Шар-

латанов и шулеров не принимаем». Взбешенный граф послал Гангусу вызов на дуэль. Но за день до назначенного срока в игорном клубе Бадалянци-Эчмиадзинский был уличен в шулерстве, жестоко бит и выброшен на улицу с третьего этажа заведения. Что примечательно: за «полетом» графа, хохоча, наблюдал Гангус, его смех звучал так гнусно и отвратительно, что возмутил даже тех, кто выбросил шулера на мостовую.

В июле 1904 года «аидовцы» обратились к властям города с просьбой о разрешении на установку памятного знака в честь маркиза де Бирса(!). Власти, не вникая в суть, а действуя по принципу – чем бы господа ни тешились, лишь бы в революцию не лезли, – просьбу удовлетворили.

20 июля близ Чесменского дворца состоялось открытие памятного знака (именно того камня, о котором речь шла вначале!). В интервью газете «Копейка» председатель «аидовцев» заявил, что знак установлен на месте бывшего дома де Бирса и что в будущем общество намерено установить здесь бронзовый бюст маркиза.

Однако до установки бюста дело не дошло. Во время январских беспорядков 1905 года Гангус был случайно застрелен в районе Нарвских ворот казачьим урядником, усмотревшим в нем «еврея и отъявленного бомбиста».

Начало 30-х преподнесло неожиданный сюрприз. Не будем останавливаться на известной истории политического покушения в 1934 году. Отметим лишь один факт, почему-то ускользнувший от внимания историков, исследующих эту тему.

1 декабря в коридоре Смольного выстрелом в голову был убит первый секретарь Ленинградского обкома и Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б). Убийцу, некоего Николаева, задержали на месте преступления. Один из тех, кто принимал участие в задержании, был курьер по фамилии Лубяга, который крикнул в лицо Николаеву:

– Ты понимаешь, гад, что ты наделал?! Ты убил товарища Кирова!!!

На что стрелок спокойно возразил:

– Я убил не товарища, а поганого некроманта.

Лубяга ничего из ответа не понял, но, выражая свое крайнее возмущение подлым убийством, с кулаками накинулся на задержанного. Присутствующие отгеснили курьера, а чуть погодя так и вовсе затеряли его заслугу в деле поимки врага народа. Тем самым нанеся старому большевику жесточайшее оскорбление.

В дальнейшем фраза Николаева не фигурирует нигде – ни в уголовном деле, ни в воспоминаниях очевидцев трагедии. Почему? Нет ответа.

Но сейчас, зная о новом факте, кто может предположить о том, какие еще открытия ждут впереди кирововедов? Возможно, фраза Николаева имеет под собой основание, и Сергей Миронович, днем являя окружающим образец нестигаемого большевика, по ночам преображался в «поганого некроманта», в которого и следовало разрядить пистолет?

Ходят слухи, что в московских архивах КГБ хранится многотомное дело на целую группу некромантов, избличенную в Ленинграде в середине 60-х годов. Впрочем, об архивах этого ведомства ходили и будут ходить самые разные слухи. Тогда как достоверные сведения таковы: в конце 70-х в среде книжных спекулянтов появилась странная рукопись по оккультизму. Совладельцами ценного раритета являлся «маклак» Боря Бульдозер и его подручный, хулиган и балбес по кличке Тулиб. В один из дней 1979 года к Бульдозеру подошел блеклый гражданин и потребовал вернуть то, что по праву принадлежит миру посвященных и мертвых. Бульдозер был явно напуган, но сунул под нос гражданина здоровенную фигу, а Тулиб отвесил незнакомцу затрещину. Блеклый стремительно исчез, парочка весело рассмеялась. Инцидент наблюдали многие, в том числе и милицейский осведомитель, докладная записка которого сохранилась в архиве ГУВД.

Через день разнесся слух, что Бульдозер и его верный подручный погибли. Балбеса железным совком и палкой от швабры насмерть забил сосед по коммунальной квартире, а Боря Бульдозер шагнул в лестничный пролет с пятого этажа.

Обстоятельства убийства Тулиба расследовали быстро. Преступником оказался вулканизаторщик завода «Гигровата» Ступицин. Объяснения его сводились к тому, что, возвращаясь с работы, он вдруг услышал голос извне, приказавший ему убить соседа. Голос был предельно злобный и настолько властный, что Ступицин помимо своей воли подчинился приказу. Что же касается гибели Бори Бульдозера, то факт его смерти списали на обычное самоубийство. Милицию больше интересовала старинная рукопись, о которой сообщил тот же осведомитель. Но даже самый тщательный обыск в квартирах погибших не дал результатов – рукопись пропала.

Вероятный след рукописи и ее новых хозяев проявился лишь в 1983 году. Тогда в городских верхах начали циркулировать любопытные слухи о том, что через несколько лет в стране начнутся колоссальные перемены, итог которых будет поистине потрясающим, и потому, чтобы не очутиться на обочине жизни, к переменам следует готовиться загодя. Источником слухов оказался не злобствующий диссидент, а личность положительная во всех отношениях – доктор исторических наук, советник первого секретаря Ленинградского обкома КПСС по идеологическим вопросам. К словам советника относились вполне серьезно. Правда, когда партийные бонзы спрашивали, дескать, откуда исходит столь интересная информация, советник отделывался непонятной, загадочной фразой: «Мертвые знают все».

Кто пресек слухи, но не просек тему, так это – Григорий Романов. Вызвав провидца к себе в кабинет, Григорий Васильевич без всякого политеса обозвал его «мудаком, засранцем и пидарасом», а в довершение гневной тирады запустил графином с водой.

Советник от графина увернулся, заявил:

– На пенсионеров не обижаюсь! – и вышел из кабинета, громко хлопнув дверью.

И, между прочим, не ошибся. В 1985 году в стране началась горбачевская перестройка. Всесильного Григория Романова тут же спровадили доживать век на пенсию.

Смотрящие в Бездну

Известно, что древняя наука – некромантия, вобравшая в себя все зло и мрак прошедших веков, делает могущество ее адептов практически безграничным. Посвященные в это учение становятся носителями тех знаний и тайн, при помощи которых возможно проникнуть в глубины первобытного ужаса и темных кошмаров, познать непознанное, раздвинуть пределы прошлого, настоящего и будущего.

Существует две степени знаний некромантии. Низшая степень включает в себя способность общения с обитателями потустороннего мира. Теми жуткими существами, которые переполняют полотна художников-некромантов Босха, Брейгеля, Кранаха и страницы «Некромикона» – книги, сочиненной безумным арабом Абу аль-Хазредом. Высшая степень – взгляд в будущее с помощью мертвых. Постигание высшей степени есть предел, доступный избранным. История сохранила их имена: греческий оракул Пассифий из Агриниона, вюрцбургская колдунья Анна Гаперле, финский Затворник из Баресундс-фьорда, петербургский маркиз де Бирс.

«Познай себя – познаешь грядущее», – вещал Чу Фын Мэнь, средневековый китайский мыслитель. Похоже, китаец был от рождения глуп. Те, кто хочет познать будущее, ищут посредников между миром живых и миром мертвых. «Мертвые знают все, даже цену смерти», – говорят некроманты, и их слова – это правда. Как правдой является и то, что знание запредельного требует жертв. Только живая кровь способна разомкнуть уста мертвеца.

В настоящий момент некромантия в Петербурге переживает свой ренессанс. Некоторые из мест, где некроманты вершат свои шабаши, находятся рядом с городской чертой: на сырых полянах урочища Финское Койрово близ Южного кладбища, у истоков безымянного ручья в районе Северного кладбища и некоем дачном доме, затерявшемся в лесах между поселком Медвежий Стан и городом Всеволожском. Хотя по отдельным признакам возможно предположить, что подобные места существуют и в самом Петербурге – в расселенных коммуналках старых районов.

Некроманты конкретны, их таинства и обряды насквозь пронизаны беспредельным ужасом и пропитаны кровью человеческих жертвоприношений. Узнаем ли мы подробности об их страшных действиях, творимых сегодня? Время покажет...

Голова Леньки Пантелеева

О знаменитом налетчике 20-х годов Леньке Пантелееве известно достаточно много. Поэтому не станем пересказывать его кровавые похождения. Напомним, что первое преступление банда Пантелеева совершила в 1922 году. С этого момента неуловимый налетчик стал наводить ужас на зажиточных жителей города и вызывать гнев у высокого партийного и милицкого начальства. А подельники Леньки дали ему уважительную кличку – Фартовый. Однако зимой 1923 года везение Фартового кончилось. 11 февраля в одном из воровских притонов на Можайской улице Пантелеев напоролся на милицескую засаду. В ходе короткой схватки он был убит наповал. «Завалил» матерого бандита молодой чекист Иван Бусько, недрогнувшей рукой всадив две смертельные пули в голову и шею Пантелеева.

«Вы хотите зрелищ – их есть у меня!»

На следующий день все петроградские газеты объявили о смерти грозного налетчика. Однако обыватели газетам не верили.

– Как же, Пантелеева они убили, руки коротки у них Пантелеева убить, – говорили в трамваях.

– Гопника какого-нибудь с пьяных глаз шлепнули, а пишут, что Леньку Пантелеева, – смеялись на рынках.

Обидная обывательская молва быстро дошла до городских верхов. Особенно остро воспринял ее Григорий Зиновьев (Апфельбаум), председатель Петроградского Совета. На одном из заседаний, когда вопрос зашел о противодействии этим вредным обывательским слухам, председатель Петросовета взял слово для выступления.

– Вы хотите зрелищ – их есть у меня, – сказал Зиновьев и принял беспрецедентное решение.

18 февраля труп Леньки Пантелеева был выставлен на всеобщее обозрение в морге Александровской больницы. В этот день взглянуть на знаменитого налетчика пришло всего несколько десятков человек. Они робко жались у входной двери, на почтительном расстоянии от дощатого помоста, на котором лежало мертвое тело «короля бандитского Петербурга». Рядом с помостом расхаживал милиционер и простуженным, гнусавым голосом монотонно бубнил:

– Вот, значит, товарищи, перед вами и есть тот самый злобный враг трудового народа Леонид Пантелеев, которого застрелил наш славный чекист товарищ Бусько.

На лицах посетителей читалось явное недоверие. Но тут некая расфуфыренная дамочка, смертельно побледнев, отчаянно взвизгнула:

– Это он – Пантелеев, я узнала его! Это он, негодяй, ограбил мою квартиру!

Уже на следующий день в морг Александровской больницы ломились толпы любопытных. Среди посетителей нашлось немало тех, кого некогда ограбила банда Пантелеева. Потерпевшие вели себя крайне агрессивно. Они ругались матом, плевали в труп, тыкали в него тростями или старались пнуть сапогом. Чтобы пресекать подобное безобразие, на помощь дежурному милиционеру было придано два красноармейца с винтовками.

«Выставка» Пантелеева продолжалась почти две недели. Затем из Смольного последовало распоряжение – данное мероприятие свернуть. Труп налетчика поместили в морозильную камеру и... благодаря извечной безалаберности забыли о нем на долгое время.

Что делать с трупом?

Вспомнили о трупе Пантелеева только в феврале 1924 года, уже после смерти вождя мирового пролетариата. Решение вопроса о теле налетчика было поручено профессорам 1-го Медицинского института Генриху Альбертовичу Краузе и Исааку Абрамовичу Гопштейну, а также молодому аспиранту Косте Заблудовскому.

Вечером 30 февраля в прозекторской института, куда загодя привезли труп Пантелеева, состоялись врачебные дебаты. Невольным участником совещания оказалась и пьяненькая уборщица Дуся Кочерыгина, которая убирала помещение.

– Ну-с, каковы будут предложения? – спросил, обращаясь к коллегам, один из профессоров.

Молодой аспирант Заблудовский ответил, словно саблей рубанул:

– Товарищи, Пантелеев хоть и был отъявленным бандитом, но я предлагаю его забальзамировать и сохранить для будущих поколений.

– Хы-м, – произнес профессор Краузе и многозначительно посмотрел на профессора Гопштейна.

– М-да-а, однако, – откликнулся профессор Гопштейн и еще многозначительнее посмотрел на профессора Краузе.

В прозекторской повисло неловкое молчание.

– А что, правильно – забальзамировать, и к Ленину его, в Мавзолей! Пускай два голубя под одной крышей лежат, – нарушила молчание пьяненькая уборщица.

– Вон отсюда, – в один голос скомандовали профессора, и Дусю будто ветром сдуло.

Как только за ней захлопнулась дверь, старшие коллеги накинулись на аспиранта.

– Константин, только что в нашей стране способом бальзамирования сохранили для потомков тело Владимира Ильича Ленина! А вы говорите о бальзамировании какого-то отпетого бандита. И главное, говорите об этом в присутствии алкоголички, темного, необразованного элемента! Видите, что из этого вышло. Ведь это же явный антисоветский выпад, Константин! Ну как вам не стыдно, ведь вы же комсомолец, – наперебой говорили оба профессора.

Заблудовский, красный от стыда, не знал, что сказать в свое оправдание.

Впрочем, профессора были людьми старорежимной закалки и вскоре сменили свой гнев на милость.

В конце концов вопрос с трупом Пантелеева был решен. Голову бандита отделили от туловища, поместили в полукруглую стеклянную емкость с формалином и, снабдив этикеткой: «Огнестрельное ранение головы. Леонид Пантелеев», выставили как один из экспонатов в анатомическом театре 1-го Медицинского института.

А обезглавленное тело Пантелеева завернули в брезент, отвезли на Волковское кладбище, где и похоронили в дальнем углу под табличкой: «Неизвестный мужчина. № 13».

«Невелика потеря, не экспонат и был»

В 50-х годах в Ленинграде был организован Музей криминалистики. Стеклянная емкость с головой Пантелеева нашла свое законное место в экспозиции. Правда, из этических соображений этот экспонат показывали редко, поскольку настолько отвратительной и гадкой стала голова налетчика от долгого хранения в формалине. Случалось, что те, кому приходилось ее видеть, падали в обморок либо начинали бурно «травить» прямо в зале. Но голова Пантелеева вызывала не только чувство омерзения. От нее исходил ужас и какая-то непонятная, скрытая угроза. Даже сотрудники музея старались лишний раз не проходить мимо закрытого шкафа, где хранился страшный экспонат.

Но был в музее один сотрудник – Сергей Медянный, мужчина неброской внешности и неопределенного возраста, которому голова Пантелеева не внушала ни отвращения, ни страха. Напротив, Медянный не скрывал своего восхищения головой. Он мог часами вытирать настоящую или мнимую пыль внутри шкафа и со стеклянной емкости, в которой хранился экспонат, при этом сотрудник что-то невнятно бормотал, словно беседовал с головой Пантелеева. Замечена была за Медянником и другая странность. Тем работникам музея, которым доводилось бывать в его квартире на Петроградской стороне, бросалась в глаза огромная библиотека, сплошь состоящая из дореволюционных книг на русском и иностранных языках по мистике, оккультизму и другим мрачным наукам.

– От прадеда книги остались. Он у меня большим оригиналом слыл. Я их не читаю, а выбросить жалко, память как-никак, – улавливая недоуменный взгляд сотрудника, спешил оправдаться Медянный.

– А где же труды наших основоположников? – строго спрашивал коллега.

– Как это где? Вот они, все тут, каждый основоположник представлен, – отвечал Медянный и выволакивал из кладовки огромный чемодан, доверху набитый трудами Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. – Каждый день перечитываю, изучаю и конспектирую.

– Вот это, товарищ, правильно, вот это по-нашему, по-советски, – тут же добродушный сотрудник и давал дружеский совет: – А муру эту про мистику ты пионерам отдай, пускай в макулатуру сдадут.

– Ах, какой замечательный совет! Именно так я сегодня и поступлю, – восторгался советом Медянный, выпроваживая гостя из квартиры.

Музей криминалистики просуществовал несколько лет. В конце 60-х годов по решению властей он был ликвидирован. Экспонаты без всякой описи свалили в подвал.

Однако в 70-х годах начал создаваться Музей ленинградской милиции. Все экспонаты были на месте, кроме стеклянного сосуда с головой Пантелеева. За объяснениями обратились к Владимиру Бишкекову, бывшему директору Музея криминалистики, который показал, что банку с головой сотрудник Медянный якобы, чтобы избежать всяческих недоразумений, лично утопил в Неве.

Медянный подтвердил слова своего бывшего шефа, но обидчиво добавил:

– Только не «якобы», а утопил. Лично сбросил с моста Лейтенанта Шмидта. Впрочем, невелика потеря, не экспонат и был, – и при этом загадочно усмехнулся.

Дирекция Музея ленинградской милиции пожурела Медянного за самоуправство. В самом деле, стоило ли раздувать скандал, не бьет же Ленина бросил Медянный в Неву. Этим дело и ограничилось.

Загадочные происшествия на Волковском кладбище

Волковское православное кладбище Санкт-Петербурга было образовано в 1756 году на далекой городской окраине. Но время шло, и вскоре место последнего упокоения оказалось в городской черте и растущий город начал «наступление» на кладбищенскую территорию.

Особенно ударными темпами это «наступление» велось после Октябрьской революции. То под строительство завода «оттяпают» кусок территории, то «срежут» изрядный угол для прокладки трамвайных путей, то на несколько метров отодвинут кладбищенскую ограду для расширения проезжей части улицы. Однако несмотря на понесенные потери, одно из старейших городских кладбищ сумело до наших дней в целом сохранить свои первоначальные, исторические контуры.

А несколько лет назад на кладбище начали происходить странные, загадочные вещи. Однажды в кладбищенскую администрацию пожаловал гражданин с типичным лицом уголовника.

– Я дядю ищу. Он здесь, у вас, похоронен, – сказал угрюмый племянник.

– Назовите год смерти и фамилию вашего родственника, – ответил администратор.

– Год смерти 1924-й. Звали его Леонид, а фамилия была Пантелеев.

– Одну минуточку, – сказал администратор и скрылся в недрах конторы, но отсутствовал он достаточно долго, а когда наконец появился, то в руках у него был внушительных размеров фолиант, где были зарегистрированы все захоронения за 1924 год.

– Одну минуточку, – вновь сказал администратор и принялся листать фолиант, отыскивая страницу на букву «П».

– Да не, – во всю пасть зевнул племянник, – дядю как неизвестного похоронили, под номером 13. Необоснованно репрессированный, значит.

– Ну, молодой человек, тогда найти могилу вашего родственника не представляется возможным, – развел руками администратор. – По нашим законам, через определенное количество лет в могилу неизвестного лица, или «бесхоз», допускается производить вторичное захоронение. Я думаю, что с 24-го года в могиле вашего дяди похоронили как минимум трех новых покойников.

– Да не, мне новые жмурики не нужны, мне дядя нужен, – с напором сказал племянник, и на столе администратора появилась сотня «бакинских».

– Вы знаете, наше дело – помогать людям, – проникновенно сказал кладбищенский начальник, ловко сгребая сотню американских долларов в ящик стола. – Тем более когда речь идет о жертве репрессий. Ведь, по правде сказать, я тоже в свое время подвергался необоснованным репрессиям, при Андропове, был, знаете ли, такой деспот.

Андропова-деспота племянник не знал, но зато помнил своего родственника, о чем грубовато и напомнил:

– Об Андропове после поговорим, ты мне сначала дядю найди.

В ходе поисков выяснилось, что трупы неизвестных на Волковом кладбище издавна хоронили на двух участках: за Лиговским ручьем и в излучине реки Волковки, ограниченной Глазуновской и Конной дорожками, проходящими по территории кладбища. Кроме того, администратор клятвенно заверил племянника, что при повторном захоронении могильщики не выкидывают прах первоначального «хозяина» могилы, просто немного присыпают землей, а сверху укладывают «подселенца». Главная сложность в поисках заключалась в том, что, хороня неизвестных, кладбищенская администрация составляла план их могил кое-как, а нередко и вовсе не отмечала мест захоронений, дескать, чего там с бродягами чикаться...

– Могли не отметить и могилу вашего дядюшки либо чего-нибудь перепутать на плане, – извиняющимся тоном сказал администратор.

– Не гунди, – веско посоветовал посетитель и еще за сто долларов получил ксерокопию участков захоронений неизвестных за 1924 год.

– Если обнаружите могилу и решите перезахоронить, то все сделаем по высшему разряду, – угодливо заметил кладбищенский чин.

– Пойду, посоветуюсь с родственниками, – ответил племянник и вышел из помещения.

Вечером следующего дня кладбищенский сторож Пилкин, больше известный по кличке Чекуха, был немало удивлен, когда заметил на участке «бесхоза» за Лиговским ручьем, как трое молодцов, сверяясь с каким-то планом, что-то измеряют, размечают деревянными колышками, втыкают в землю длинные шупы и фотографируют отдельные могилы.

– Ребята, вы это чего тут делаете? – спросил Пилкин.

Один из молодцов глянул на сторожа как на пустое место и обратился, видимо, к главному:

– Баклан, в бубен ему дать или че?

– Дай ему на бутылку, – ответил тот, которого звали Баклан.

Получив заветную сумму, Пилкин купил водки и до утра проспал в своей сторожке мертвецким сном.

Каково же было его изумление, когда следующим вечером он вновь увидел на кладбище ту же троицу, занимающуюся теми же манипуляциями, но теперь уже на участке «бесхоза» в излучине реки Волковка.

На этот раз сторож даже ничего не успел спросить. Один из молодцов дал ему две бутылки водки, развернул и пинком направил по направлению к сторожке. «А мне какое дело, раз измеряют, значит, так надо. Может, они геологи какие или выполняют задание государственной важности», – размышлял Чекуха по дороге к своему посту.

Однако события следующей ночи до смерти перепугали Пилкина и заставили на рассвете прибежать в ближайшее отделение милиции. И вот что он поведал дежурному:

– Часов в одиннадцать ночи приходят на кладбище давешние молодцы и катят с собой каталку с дедом-паралитиком. Мне говорят, пойдешь с нами, и три лопаты возьми. А я что, я человек маленький, мне сказали – я и пошел. Пришли к Лиговскому ручью, где участок брошенных могил. Подвезли паралитика к какой-то могиле и говорят: «Вроде здесь». – «Вроде или здесь?» – паралитик спрашивает, а голос у него такой противный, скрипучий. «Сейчас узнаем, мастер», – те ему отвечают, хватают лопаты и ну могилу раскапывать. Докопались до гроба и мне: «Давай, негр, твоя работа – вытаскивай гроб». Делать нечего, полез в могилу. Там покойники хоть и старые, но все равно вонища, доски склизкие, червяки. Вывернул я на поверхность первый гроб. Они крышку сбили, фонариком посветили, слышу, говорят: «С головой, мать его!» – и мне командуют: «Тяни второй!» Я поднатужился, подал им конец другого гроба. Они опять крышку долой, и снова матом, мол, и этот с головой. Я давай третий гроб вытягивать, а он, сука, в глину врос, краном не вывернешь. Мне лопату бросили: «Рви крышку». Я доски кое-как отодрал, они в могилу фонариком посветили да как заорут: «И этот с башкой, мать его перемать!»

Вылез я из могилы. Детины гробы туда покидали, землей присыпали. Тут паралитик заскрипел: «Где другая могила?» Ему в ответ: «Рядом, мастер», схватили коляску и бегом повезли по Конной дорожке к другому участку «бесхоза». Пока катили, два раза старика из коляски на землю вываливали, дороги-то на кладбище у нас еще те, танк не пройдет.

Привезли на участок, раскопали могилу, меня снова за гробом отправили. Достал я им гроб. Слышу, вновь заругались, опять, значит, покойник с головой достался. «Эй, негр, – меня окликают, – там, в яме, ничего больше нет?» – «Есть, – говорю, – мешковина какая-то». Они чуть в могилу не попадали, фонарем светят, велят: «Разворачивай!» Я мешковину гнилую кое-как разматал, а в ней скелет человеческий. «Что с головой?!» – паралитик, слышу, орет. «С чьей?» – спрашиваю. «Да не с твоей, дурак! У трупа голова на месте или нет?» – «А как же, все

при нем, родимом», – отвечаю и старикашке этому в руку череп сую. Он череп схватил, да как треснет им мне по лбу, во-о шишак какой, сволочь, набил, и давай своих молодцов костерить: «Через месяц фаза Луны встретится с тенью Юпитера, а вы так и не сподобились могилу найти! Бездельники, негодяи!!» Те испуганно так забубнили: «Найдем, мастер, не беспокойтесь, обязательно отыщем». Паралитик малость успокоился. Потом на меня зыркнул и говорит: «Ты приberi тут, как надо. И гляди, лишнего не болтай, узнаю – живьем в землю зарю». Вскоре они с кладбища убрались. Я из могилы выкарабкался, гроб туда спихнул, засыпал землей и к вам – в милицию.

– Ладно, пиши заявление, разберемся, – сказал дежурный, потом задумался и спросил: – Слушай, а это не антисемиты, случаем, были? Ну, те, которые еврейские захоронения оскверняют.

– Нет, не антисемиты. Что я, антисемитов, что ли, не знаю, – обиделся сторож.

...Разобраться с заявлением кладбищенского сторожа было поручено местному участковому. Тот до слез хохотал, читая корявые строки «заявы». Отсмеявшись, сказал:

– Да это же Пилкин – Чекуха, пьянь подзаборная. Он уже три раза в «дурке» лечился. Вы его больше слушайте, он вам еще и не такого расскажет, – и спрятал заявление сторожа в самый дальний угол служебного стола...

Охотники за золотом Пантелеева

Свой комментарий к недавним событиям известный петербургский знаток мистики Анд- рон Фридман начал следующим образом:

– Начну с того, что в Петербурге в XVIII веке появился маркиз де Бирс, человек таин- ственный и страшный, основатель секты некромантов. После смерти маркиза секта продол- жала свое существование и, как видим, существует и поныне. Чем занимаются некроманты? С помощью тайных ритуалов и особых заклинаний они оживляют мертвецов, чтобы через них узнавать прошлое, настоящее и будущее.

Теперь перейдем непосредственно к нашему случаю. Я убежден, что бывший сотрудник Музея криминалистики Сергей Медяник, он же старик-паралитик, является некромантом. И судя по тому, что его подручные на кладбище называли его словом «Мастер», он далеко не рядовой член этой дьявольской секты. Кроме того, я убежден, что голову Пантелеева Медян- ник не топил в Неве, а воспользовавшись удобным случаем, украл и спрятал ее в надежном месте.

Возникает закономерный вопрос: зачем некромантам понадобилась гнилая голова налет- чика? Ответ прост. Еще при жизни Пантелеев задумал бежать в Эстонию. Поэтому после каж- дого удачного ограбления он, как главарь банды, забирал себе все золото и драгоценности, а остальную добычу – меха, советские дензнаки, дорогую одежду и т. д. – целиком отдавал на пропой своим подельникам. Вскоре у него скопилось изрядное количество ценностей, на кото- рые он мог безбедно существовать за границей. Свой клад Пантелеев надежно спрятал где-то в притонах Лиговки. Однако воспользоваться им он не успел, поскольку в феврале 1923 года был убит.

То, что клад Пантелеева реально существует, доказывают архивные документы. Недавно в архиве петербургского УФСБ мне удалось ознакомиться с секретным делом № 566021/16, в котором содержится подробный отчет сотрудников ГПУ о поисках этого клада. Современные кладоискатели тоже ищут сокровища Пантелеева, но пока, насколько мне известно, безрезультатно.

Теперь к этим поискам подключилась и секта некромантов. Раскопки могил на Волков- ском кладбище, где было похоронено тело Пантелеева, объясняются тем, что им для оживле- ния мертвеца необходим целый труп или скелет, а не его отдельные фрагменты.

Мне неизвестно, сумели некроманты отыскать останки Пантелеева или нет. Если да, то это значит, что в их руки попали немалые сокровища бандита. Такой вариант есть наиболее худший из всех вариантов. Обретя клад Пантелеева, дьявольская секта станет во много раз могущественнее и будет представлять реальную угрозу для нашего общества.

Петербургское колдовство

О случаях колдовства в Петербурге известно немного. Сведения об этом появляются нечасто и бывают обычно скудными. Но все они представляют значительный интерес. Ведь нередко те или иные события происходят в городе по воле адептов тайных учений. Однако это понятно лишь сведущим людям. Большинство горожан пребывают в полном неведении, что довольно неосмотрительно, а порою даже небезопасно.

До революции 1917 года многие последователи мрачных колдовских культов и тайных учений действовали достаточно открыто. Хотя и не без определенного надзора со стороны Особого отдела, одного из наиболее секретных управлений Корпуса жандармов.

С приходом большевиков положение резко изменилось. Причиной этому стала мадам Пташукowa, больше известная как Ясновидящая Ханым. Однажды она приняла бывших владельцев металлургического завода Алебастрова с Гершензоном. Посетители настоятельно просили узнать о конце царствия большевиков. Пташукowa исполнила просьбу: страшным взглядом вперилась в магический шар, впала в транс и утробно заговорила о неотвратимом избавлении от хамской власти. Окрыленные словами провидицы, заводчики принялись распространять по городу вредные слухи.

Рабочий Табуретов направился в Петроградскую ЧК.

– Мутят, сволочи, народ, а мне, как заводскому активисту, первому обещают салазки загнать, – пожаловался пролетарий председателю ЧК Моисею Урицкому.

В тот же день хмурые люди в черных тужурках доставили Алебастрова с Гершензоном на Гороховую, 2. Тут-то и выяснился источник враждебных разговоров.

– Вот, контрики чертовы, что вытворяют! Мало им заговоров, так они еще колдовать вздумали, – искренне удивился чекист Брикетов, бывший трюмный с «Авроры».

А тов. Урицкий жутко перепугался. Вообще, по воспоминаниям старых партийцев, Моисей Соломонович отличался повышенной боязливостью ко всяким малопонятным вещам, связанным с черной магией.

Ясновидящую арестовали. Скоро в «Известиях Петросовета» появилась статья М. Наквальни, в которой говорилось о разоблачении группы лиц, пытавшихся с помощью колдовских манипуляций навредить власти рабочих и крестьян. «Конечно, большевиков бабкиными наговорами не проймешь. Мы крепко взяли власть мозолистой рукой, но потуги старорежимных мракобесов способны сбить с толку и даже запугать несознательных представителей пролетариата», – с пафосом писал публицист со звонкой фамилией. Заканчивалась статья призывом: «Товарищ, верь Марксу и Ленину, а мракобесов – дави!» и сообщением о том, что революционный суд приговорил контрреволюционеров Пташукowу-Ханым и Алебастрова с Гершензоном к расстрелу. Стоит заметить, что изъятые у Ясновидящей при обыске многочисленные колдовские атрибуты исправно служили в Петрочека в качестве развлечений. Чекисты периодически подбрасывали в портфель или карман мнительного председателя Урицкого талисманы, карты таро либо иную таинственную штуковину. А позднее, вслушиваясь в истеричные вопли начальства, умирали от смеха. «Ну, Мойша опять обосрался!» – хохотали балагуры и весельчаки.

После расстрела мадам Пташукowой знатоки тайных учений скрылись в глубоком подполье, где пребывают до наших дней. И лишь изредка их мрачное присутствие и темные знания проявляются в страшных, а порою необъяснимых событиях.

В 1924 году Ленинград заполнился слухами о грядущей беде. Произошло это благодаря бдительности товарища Шлюмкина, контролера 1-й категории Морского порта, который поздним вечером обходил территорию Канонерского острова. На его южной оконечности внимание Шлюмкина привлекли непонятные звуки, напоминающие заунывную молитву. Он осторожно

выглянул из-за кустов и увидел такую картину: на пустынном берегу Финского залива тускло светился небольшой костерок, рядом стояла угрюмая фигура в темных одеждах, делающая руками странные пассы и бормочущая нечто невнятное. «Приди... закрой все... быть городу пусто», – долетели до контролера обрывки слов.

– Гражданин! – строго окликнул незнакомца Шлюмкин.

Тот от неожиданности присел, но мгновенно справился с замешательством и метнул в лицо бдительного товарища пригоршню песка и мелких камней. Теперь от неожиданности присел контролер. Правда, службу исполнил прилежно, крикнул: «Ах ты, гнида!» – и дунул вверх из нагана. Пока он протирал запорошенные песком глаза и на выстрел сбегалась охрана, незнакомец исчез, словно провалился сквозь землю. Самые тщательные поиски ничего не принесли. Зато у костра были обнаружены магические знаки, начертанные на песке, берцовая человеческая кость, свеча из черного воска и странный нож с обоюдоострым клинком. Что мог делать на острове исчезнувший тип, осталось загадкой. Лишь бдительный Шлюмкин сразу смекнул, что тут дело подозрительное и нечистое.

Слухи о происшествии на Канонерском просочились в город, и были они самыми невероятными и ужасными. Впрочем, при всем их обилии горожане единодушно сходились в одном – быть скорой беде.

И беда не заставила себя долго ждать! Осенью на город обрушилось сильнейшее наводнение, подобное яростному разгулу стихии 1824 года. Вода поднялась на 369 см выше ординара и затопила большую часть Ленинграда. Не обошлось без разрушений и человеческих жертв.

После спада воды развернулись авральные работы по ликвидации последствий стихии. Среди рабочих часто появлялся Шлюмкин, который вел разговоры о том, что наводнение – дело рук колдуна, едва не пойманного им на Канонерском острове.

– Эта гнида мне всю морду песком залепила, – важно рассказывал контролер.

Чернорабочие слушали Шлюмкина, открыв рты. Так продолжалось до тех пор, пока его речи не уловило чуткое комсомольское ухо. Однажды коренастый малый со значком РКСМ на тужурке крепко схватил рассказчика за полу толстовки.

– Ребята, сюда! Тут контра религиозную пропаганду разводит! – неистово закричал комсомолец, и глаза его загорелись адским огнем.

На призыв сбегался десяток голенастых молодцов, считавших своим долгом отвесить Шлюмкину оплеуху. Затем его потащили в ближайшее отделение милиции, откуда отправили в лечебницу для душевнобольных, где жизнь контролера и завершилась.

В 1957 году был тоже отмечен таинственный случай, связанный с колдовством. Рабочие ночной смены завода «Точприбор» обратили внимание на непонятные явления, происходящие на пустыре неподалеку от проходной. Ночами на нем загорались похожие на пламя свечей желтые огоньки, которые медленно перемещались. Иногда порывами ветра доносило оттуда неясную человеческую речь и звуки, схожие с плачем ребенка.

Передовики пытались объяснить феномен с научной точки зрения, а вот сходить и проверить эти умные версии не решался никто, было боязно. Тем паче что заводской старожил по фамилии Бесфамильный нагнал на рабочих жути.

– А чему удивляться, – авторитетно сказал дед. – Там раньше старинное кладбище было. Наверное, колдует кто-то, а может быть, что-нибудь и похуже.

Производительность смены резко упала. Начальник объяснял это так:

– Народ на заводе трудится деревенский, доверчивый, а придурок Бесфамильный их всех запугал, мол, по пустырю колдуны и покойники ходят.

– Стыдно, стыдно, товарищ Крохоборов, повторять суеверную чушь! – заорал на него секретарь заводского парткома.

В ближайшую ночь секретарь появился на «Точприборе». По пустырю блуждали странные огоньки.

– Пойду посмотрю, кто это там хулиганит, – угрожающе произнес партработник и зашкандыбал в темноту на скрипучем протезе.

В ночи громко скрипел протез, потом послышался шум какой-то возни, и все стихло.

– Товарищ Птоломеев! – позвал Крохоборов.

Ответом была гнетущая тишина.

– Семен Семенович, товарищ секретарь! – заволновался начальник смены.

– Эй, держи! – раздался чужой, незнакомый голос, и из мрака к заводской проходной полетел какой-то темный предмет.

Он с лязгом грохнулся об асфальт, и все узнали в нем отстегнутую ногу партфункционера! Рабочие с криками ужаса разбежались.

Утром на месте происшествия появился генеральный директор.

– Где секретарь? – строго спросил он.

– Покойники утащили, – захныкал Крохоборов.

– Дурак! – замахнулся на него секретарской ногой генеральный и приказал: – Обыщите пустырь. Птоломеев не Маресьев, далеко не уползет.

Пустырь обыскали. Но кроме разрытой могилы с трухлявыми досками гроба, огарков свечей и трех проткнутых иглами тряпичных фигурок ничего не нашли.

– Ну, убедились, что кто-то здесь колдовал. Теперь Птоломеева не отыщешь, гиблое дело, – заметил старик Бесфамильный.

Гендиректор в ярости двинул протезом ему по башке, и знаток с плачем побежал жаловаться в профком.

Однако, как ни печально, но правым оказался именно он – Бесфамильный. Секретаря «Точприбора» больше не видели. Ни живым, ни мертвым. «Пропал без вести», – пришло к выводу официальное следствие.

И, наконец, в день солнечного затмения 1999 года Петербург потрясло дикое происшествие.

Поздним вечером сторож больничного морга Дуплетов услышал под окнами детский плач. Он посмотрел на улицу и увидел стоящую напротив дежурки маленькую белокурую девочку, которая горько рыдала, беспомощно озираясь вокруг.

Дуплетов приоткрыл створку окна:

– Девочка, что случилось?

Ребенок поднял ангельскую головку, посмотрел голубыми глазами и сказал пропитым голосом:

– Открой дверь, скотина! – добавив отборной матерщины.

Это произвело на Дуплетова настолько сильное впечатление, что он послушно выполнил требование.

Но вместо маленькой девочки на порог шагнуло два мрачных типа. Один, корявый и плотный, здоровенными ручищами, словно тисками, сдавил сторожу горло. Другой, тощий, с лошадиной мордой, глухо спросил:

– Свежий удушенник есть?

Ответить Дуплетов не мог. Хватка ослабла. Сторож испуганно просипел:

– Так точно, имеется.

– Давай его скорее сюда! – приказали ему и пинками погнали в глубь помещения.

Из морозильной камеры был извлечен труп самоубийцы. Тело бросили на пол. Корявый выхватил из-за пояса мясницкий секач и ударил по руке мертвеца выше локтя. Лезвие с хрустом вошло в окоченевшую плоть и, скрежетнув по цементному полу, выбило длинную искру. Рука, мелькнув белой костью, отскочила к ногам Дуплетова.

– Ой! – выдохнул сторож.

Корявый вновь взмахнул секачом... Тощий сунул отсеченные конечности трупа в кошелку и обдал Дуплетова запахом нечищенных зубов:

– Не болтай много, задавим.

И страшные посетители покинули здание морга.

Администрация больницы пыталась скрыть данный факт.

– Сторожа уволить, а покойнику присобачьте грабли от бомжа и – в гроб, – распорядился главврач Гурфинкель.

Однако кто-то из его недоброжелателей оповестил о происшествии все городские СМИ и родственников удушенника. Сказав при этом последним, что руки их близкому оттяпал лично Гурфинкель со своими ближайшими прихлебателями.

Грянул скандал. «Руки покойника пошли на холодец», «Больных кормят мертвечиной», «Кто вы, доктор Гурфинкель: маньяк, извращенец, хулиган?» – кричали газетные заголовки. Впрочем, шумиха быстро утихла. Этому способствовала позиция городских властей, потребовавших от журналистов не нагнетать страстей. В ответ газета «Трудовой люд», известная своей неистовостью, разразилась статьей «Губернатор, зачем тебе мертвые руки?!», где глава города обвинялся черт знает в чем. Газету мгновенно прикрыли, а прокуратура возбудила по фактам циничного оскорбления высокого должностного лица и кощунства в больничном морге ряд уголовных дел.

Между тем, по мнению компетентных лиц, все случившееся нельзя рассматривать как банальную уголовщину. Тут явно просматриваются действия колдунов, хорошо осведомленных о кошмарном обряде средневековой Европы, связанном с рукой повесившегося или повешенного.

В колдовских целях этот ужасный атрибут используют с давних времен. Как сказано в одном старинном трактате: «В полночь при благоприятном расположении небесных тел зажечь три черные свечи, руку удушенника обернуть куском савана и крепко стянуть, чтобы выдавить оставшуюся кровь. После поместить ее в глиняный кувшин, в раствор соли, мавританского перца и египетской серы. Через две недели руку вытащить и высушить в печи вместе с папоротником и болотным хвощом». Затем ночью на оскверненной могиле праведника необходимо было исполнить следующий обряд: высушенную руку присыпать землей, произнести три заклинания и попросить у Дьявола наделить мертвую плоть страшной силой. Если рука, похожая на обожженную ветку, самостоятельно показывалась из-под земли, значит, просьба выполнена. С этого момента знаток тайного становился обладателем Руки Смерти, при помощи которой, совершив ритуал окропления ее кровью младенца, мог задушить любого неугодного ему человека. Влекомая дьявольской силой Рука проникала куда угодно и смыкала мертвые пальцы на горле намеченной жертвы, после убийства возвращаясь к хозяину. К примеру, испанскую королеву Хуану Безумную, родную сестру принца Арагонского, черный маг из Толедо убил Рукой Смерти в 1555 году прямо в уборной, когда та среди ночи справляла естественную нужду. А последний раз Руку Смерти использовали болгарские спецслужбы. В 1973 году они ликвидировали в Бонне этим древним, но верным способом известного диссидента Бедроса Крикова.

Судя по событиям в Петербурге, отныне следует ожидать появления в городе загадочного душителя, неуловимого и беспощадного. Кто станет жертвой петербургских колдунов, неизвестно, но то, что жертвы обязательно будут, сомневаться не нужно. Знатоки утверждают, что руки удушенника отрубили в самый подходящий момент: 11 августа 1999 года Солнце, Луна, Юпитер и Марс образовали ближе к полуночи так называемый Планетарный крест, расположение крайне благоприятное для колдовских целей, причем наиболее гнусных и отвратительных.

И последнее, о чем предупреждают сведущие люди: в новом тысячелетии Петербург может оказаться одним из центров колдовства в Восточной Европе, что, безусловно, повергнет город в атмосферу ледящего страха и безумие жутких кошмаров.

Зловещая тайна Обводного канала

Участок Обводного канала от Боровского моста до устья реки Волковки в Петербурге издавна считался местом нехорошим, даже проклятым. А началось все зимой 1923 года. Во время прокладки теплотрассы в районе нынешнего автовокзала рабочие глубоко под землей наткнулись на некое каменное сооружение – гранитные плиты, расположенные в виде круга. Поверхность их была испещрена непонятными надписями и знаками, а под центральной плитой обнаружили истлевшие человеческие кости.

Прибывший на место находки археолог Гвоздицкий был потрясен. После беглого осмотра он вынес приговор: находка уникальна, поскольку является прекрасно сохранившимся капищем, или захоронением, относящимся к XI–XII векам и имеющим, скорее всего, скандинавское происхождение.

– Аналогов подобному в мире нет. Я настаиваю на немедленном прекращении всех работ по строительству теплотрассы! – заявил представитель старой исторической школы.

Спутник Гвоздицкого по фамилии Сдобный, демобилизованный с флота братишка, представитель красной профессуры, не разделял категоричности старорежимного археолога.

– Ты тут саботаж не разводи, не позволю. Подумаешь, камни да мослы откопали, тоже мне ценность нашли, мать вашу! – авторитетно заявила новая школа, а чтобы все стало окончательно ясно, лихо сбацала на плите чечетку, развеселив землекопов.

На следующий день в «Красной газете» появилась статья «Даешь теплотрассу!», в которой Гвоздицкому досталось за его «буржуйские штучки» и «непонимание исторического момента». Заканчивалась статья призывом «не обращать внимания на хлам прошлого, а писать историю с 17-го года».

В итоге судьба уникальной находки оказалась печальной. Ломовые извозчики отвезли гранитные плиты в камнерезальную артель «Свободный труд», где из них напилили поребрики для мостовых Лиговского проспекта. Человеческие останки сложили в несколько мешков и вывезли на свалку.

Темные воды смерти

В полдень 12 апреля того же года с Боровского моста в Обводный канал бросилась прачка. Спасти самоубийцу не удалось. С этого момента Боровский, Новокаменный, Предтеченский мосты и железнодорожный виадук близ Волковки стали излюбленным местом городских самоубийц. Не Нева, не Фонтанка, не Мойка, наконец, а медленные, темные воды канала как магнитом притягивали к себе тех, кто решил свести счеты с жизнью. По словам репортера «Красной газеты», «самоубийцы топят здесь часто и даже охотно».

Пик самоубийств пришелся на осень 1923 года. Милиция была вынуждена выставить на мосту и виадуке посты, чтобы всеми мерами препятствовать попыткам граждан преждевременно свести счеты с жизнью. Тем не менее в том году воды Обводного канала навсегда сомкнулись над головами 89 человек. Спасти удалось лишь одного. Им оказался ответработник Мясопатамской, товарищ уважаемый – член РСДРП с 1903 года, лично знакомый с В. И. Лениным. Масса достоинств, однако, не помешала ему средь бела дня с диким воплем прыгнуть в Обводный канал с Боровского моста. Мясопатамскому повезло – вместо глубины он угодил на мелководье, где и сидел с отбитыми ягодицами, пока его не вытащили пожарные.

Неудавшегося самоубийцу отвезли в приемный покой Городской барачной больницы (Боткинские бараки), оказали необходимую помощь, после чего им занялся известный психиатр Ефимсон. О чем беседовал врач с пациентом, осталось тайной, но то, что случай неудавшегося суицида был явно неординарным, это факт. В таком виде, как после долгой беседы с Мясопатамским, коллеги никогда прежде не замечали светоча психиатрии. В крайне возбужденном состоянии Ефимсон метался по больнице, бормоча одну и ту же фразу: «Этого не может быть! А впрочем, кто знает, кто знает...» Вероятно, ответработник рассказал доктору нечто такое, что повлекло за собой повышенный интерес Ефимсона к случаям самоубийства на Обводном канале.

С 1924 года самоубийства на Обводном резко прекратились. Так продолжалось до начала 30-х годов. В 1933 году канал вновь захлестнула эпидемия суицида, и опять на том же участке – от Боровского моста до железнодорожного виадука. 107 случаев самоубийств было запротоколировано 28-м отделением милиции, на территории которого находился этот участок.

– Да что им, козлам, топиться больше негде?! – ругался начальник отделения товарищ Товстуха, за плохие показатели лишившийся переходящего Красного знамени.

Дошло до того, что одного из спасенных, некоего гражданина Тутышкина, милиционеры, прежде чем отправить в больницу, крепко вздули под Новокаменным мостом, чтобы, значит, в следующий раз здесь не топились.

Между тем Ефимсон внимательно наблюдал в психиатрическом отделении выловленных их канала новых пациентов. А все свободное время доктор проводил в городских архивах, разыскивая документы, в которых содержались бы сведения о каких-либо таинственных происшествиях, связанных с районом Обводного канала и речкой Волковкой. Поиски привели его к археологу Гвоздницкому. Их встреча состоялась незадолго до войны. Гвоздницкий рассказал о находке 1923 года и даже показал ряд рисунков надписей и знаков с каменных плит, воспроизведенных по памяти. Выходило следующее: обнаруженные плиты представляли собой ритуальное капище. Первоначальная датировка оказалась неверной. «Тут я маху дал», – искренне сокрушался археолог. Отдельные из высеченных на плитах каббалистических символов появились в Европе не ранее конца XIII – начала XIV веков. Расшифровать надписи не удалось, так как язык, на котором они были выполнены, являл дикую смесь древнееврейского и латыни. По мнению специалистов, надписи могли быть каким-то пророчеством или заклятием, на что указывало как наличие символов, так и расположение плит.

– Впрочем, все это весьма гипотетично, – в конце беседы заключил Гвоздицкий. – Истина, к сожалению, уничтожена вместе с камнями.

В свою очередь Ефимсон поведал Гвоздницкому о причине, приведший его в дом ученого. Старый археолог рассказу ничуть не удивился.

– До ихней революции, – сказал Гвоздницкий, – мне пришлось вести раскопки Согдийского царства. Работала экспедиция на местности под названием Кара-мазар, что в переводе значит «Черная могила». Среди аборигенов это место издавна слыло недобрым. Чтобы заставить землекопов работать, приходилось платить им по 30 копеек в день – сумму по тем временам немалую. Но когда мы наткнулись на несколько древних захоронений, рабочие разбежались по кишлакам, и ничто не смогло заставить их вернуться.

А через пару дней среди моих людей начался мор, причем смерть каждого была необъяснима и загадочна. Мне пришлось спешно сворачивать экспедицию и ретироваться из этой местности. Вообще при раскопках древних гробниц, захоронений и ритуальных капищ случается много таинственного. Археологи работают на таких объектах с большими предосторожностями.

Следующим шагом Ефимсона был визит в Смольный. Войдя в кабинет Андрея Жданова, первого секретаря Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), он с порога ошарашил хозяина города следующим заявлением:

– Я с ужасом жду 43-го года. Надо что-то делать! – с этими словами Ефимсон положил на стол Жданова папку со своим отчетом о случаях самоубийств на Обводном канале.

Жданов терпеливо выслушал посетителя, обещал вникнуть в суть дела и принять самые строгие меры. Но едва за психиатром закрылась дверь, он позвонил начальнику Ленгорздравоохранения товарищу Казбечке и сказал:

– Ну и мудак же этот ваш Ефимсон! Совсем со своими психами спятил.

Поступок доктора не остался без последствий. Он получил строгий выговор, был временно отстранен от работы и отправлен на отдых в санаторий на Черноморское побережье, где его и застала начавшаяся война.

А в Ленинграде на прежнем месте разразилась очередной «бум» самоубийств. Случилось это, как и предполагал Ефимсон, в 1943 году. Правда, в осажденном городе случаи суицида оставались без внимания. Но, по словам очевидцев, Обводный канал представлял в тот год жуткое зрелище. Когда немецкие снаряды рвались в канале, от взрывов то тут, то там на поверхность всплывали трупы самоубийц, и течение медленно сносило их в сторону Невы. И было их не один и не два десятка...

В последние годы самоубийства на Обводном канале продолжались, как и прежде: каждый третий год нового десятилетия, вплоть до наших дней – 2003 года. И то, что за всеми этими событиями стоит нечто потустороннее, ясно понимал только один человек.

Записки доктора Ефимсона, составленные незадолго до кончины, взамен утраченного отчета, приоткрывают завесу над зловещей тайной Обводного канала. Так что же удалось выяснить психиатру?

Могила колдуна

Средневековая хроника Эрика Абосского гласит: в 1300 году маршал Торкель основал на устье реки Охты крепость Ландскрону. Владычество шведской короны на берегах Невы закреплялось жестоко. Отряды маршала огнем и мечом проšliсь по карельским поселениям на реках Кеме (Фонтанка) и Сутилла (Волковка). На одной из излучин Сутиллы шведы наткнулись на капище, где идолопоклонники устраивали нечестивые шабашы, принося в жертву своим богам животных и собственных младенцев. Гнев ревностных христиан был беспределен: солдаты с яростью принялись сокрушать истуканов. В разгар погрома из густого ельника появился безумный старик отвратительного вида и стал призывать на головы погромщиков месть всех сил Тьмы. Солдаты тут же убили старого нечестивца, но страх от заклинаний проник глубоко в их души, поскольку в то время рассказы о страшных возможностях карельских колдунов заставляли трепетать всю Скандинавию.

В Ландскроне нашелся некий человек, весьма сведущий в колдовских учениях, который предложил вышибить клин клином. Маршал Торкель уж на что был ревнителем веры Христовой, но и то был вынужден согласиться на сомнительное предложение, опасаясь, что суеверный страх гарнизона обернется открытым бунтом.

В одну из ночей на месте бывшего капища состоялся не менее гнусный и отвратительный шабаш, чем те, что разворачивались здесь прежде. Чтобы лишить силы заклинания колдуна, в жертву Дьяволу было принесено пять молодых карелок. Их кровью окропили гранитные плиты с выбитыми на них магическими словами и знаками, а трупы бросили в одну яму с трупом колдуна. Затем знаток потусторонних тайн навечно заклил дух злобного старика и в завершение осквернил святое распятие. Как далее повествует хроника, едва святотатство свершилось, по ночному лесу разнесся ужасающий хохот, и внезапно поднявшимся вихрем с корнем опрокинуло огромную ель.

С тех пор это место на берегу Сутиллы считалось проклятым. Во времена Петра I и позже в здешних лесах часто случались необъяснимые, таинственные происшествия, поэтому люди старались обходить их далеко стороной. Скажем, в 1805 году землекопы, работавшие на строительстве Обводного канала, отказались выбирать грунт близ Волковки, объяснив прекращение работ нехорошими слухами об этих местах. Генерал-лейтенант Герард добился возобновления строительства, лишь до полусмерти избив зачинщика и пригрозив остальным рабочим ссылкой на каторгу.

Ну а в те годы советской власти сила старинного заклęcia была грубо разрушена, и злой дух колдуна, сдерживаемый в земле более шести веков, вырвался на свободу.

Вот что удалось выяснить в ходе продолжительных архивных поисков доктору Ефимсону. По его мнению, все самоубийства, произошедшие в разное время на Обводном канале, нельзя считать обычными случаями суицида. «Это убийства, но недоступные ни восприятию, ни пониманию окружающих, что самое страшное», – писал психиатр в записках. Во всяком случае, те из спасенных, которых он обследовал в больнице, очутились в канале не по своей воле. Одних толкал туда голос извне, столь свирепый и жуткий, что не подчиниться его приказу было невозможно. Других вдруг подхватывала невидимая страшная сила и швыряла в канал, словно беспомощных щенков. За период своей врачебной практики, длившейся до 1974 года, Ефимсон наблюдал более трех десятков таких пациентов, и все они, по его словам, были людьми здоровыми, не страдающими какими-либо психическими расстройствами.

Единственное, чему Ефимсон не смог найти объяснения, – это магическая цифра 3 (третий год десятилетия), когда злой дух проявляет свое присутствие. «По всей видимости, цифра имеет некое воздействие на дух колдуна, поскольку в древнекарельских преданиях «тройка» всегда связана с черной магией и колдовством», – читаем в записках. А заканчивается руко-

пись психиатра такими словами: «Темный кошмар, обернувшийся явью, витает над городом. Число жертв неуклонно растет. Кошмар нужно остановить».

Кстати, в 1993 году на зловещем участке канала погибло 303 человека. Факт смерти этих несчастных был списан на банальное самоубийство. Через десять лет, в 2003 году, данные о самоубийствах на Обводном канале оказались засекреченными. Что будет дальше, не знает никто. Впрочем, как говорится, поживем – увидим...

Мумия

Летом 2004 года археолог эстонского происхождения Тынис Папайя получил посылку из Каирской академии наук. Для ее получения ему пришлось отправиться на Пулковскую таможню.

– Это от моих друзей. Трудно сказать, что они могли мне отправить, – сказал ученый, увидев здоровенный деревянный ящик.

Один из таможенников подвел к грузу натасканного на наркотики кокер-спаниеля, но собака, вздыбив шерсть, зарычала и резко отпрянула в сторону.

– Ищи, Альма, ищи, – приказал проводник.

Однако кокер поджал хвост и жалобно заскулил, отказываясь работать.

– Вскрывайте, Хвоцев, – распорядился старший таможенный чин.

Хвоцев поддел крышку ящика гвоздодером. В помещении запахло чем-то тошнотворным.

– Насрали туда, что ли, – раздраженно буркнул старший таможенник, бросив косой взгляд на археолога.

«Крык!» – под нажимом гвоздодера сдался последний гвоздь. Хвоцев снял крышку и тут же испуганно отскочил.

Старший чин глянул в тару, вздрогнул и оторопело захлопал глазами. Когда он обрел дар речи, то от его крика всем присутствующим заложило уши, а бедный спаниель надудолбил лужу.

– Что это???!!! – страшно исторгла чиновничья глотка.

Папайя поспешно надел очки и низко склонился над ящиком.

– Мумия... Боже мой, настоящая мумия! – радостно сообщил археолог.

Среди упаковочного материала лежал освобожденный от погребальных тканей иссохший, скрюченный уродец. Череп, туго обтянутый черной кожей, с ключьями длинных, спутанных волос, сморщенный живот, прилипший к позвоночному столбу, и кривые ноги с огромными, вывернутыми ступнями внушали отвращение и ужас.

Пока таможенники приходили в себя, ученый вскрыл конверт, находящийся рядом с кошмарным посланием.

«Дорогой коллега Папайя! – значилось в письме Каирской академии наук. – Тронутый твоей искренней любовью к египетским древностям, счел своим долгом, с одобрения и при поддержке ученого совета, направить тебе настоящую древность. Это мумия подростка, жившего в Гизе в эпоху Раннего царства. Выбор на этот подарок пал неслучайно. Я хорошо помню твои восторженные слова о том, что мумии вобрали в себя все загадки и аромат Древнего Египта. Надеюсь, ты будешь рад. С наилучшими пожеланиями д-р Эмир аль-Садат, президент ученого совета Каирской академии наук».

К письму прилагались: официальный акт, заверенный египетской таможенной службой и МИДом, о разрешении вывоза мумии за пределы страны и бумага о передаче ее частному лицу, оформленная на имя Т. Папайя.

– А я запрещаю ввоз говна на территорию России! – вдруг заявил старший таможенный чин, до глубины души уязвленный фактом подобного «импорта».

Однако более высокое начальство оказалось не столь категоричным. Ознакомившись с сопроводительными документами и взглянув на мумию, главный таможенник распорядился груз пропустить.

Когда окрыленный Папайя втащил ящик в квартиру, его жена, увидев, что в нем, быстро собрала чемодан.

– Папайя, ты дурак! – сказала жена и на прощание громко хлопнула дверью.

– Сама ты дура, – ответил Тынис, любуясь забальзамированным подростком.

К своему ужасу, он обнаружил, что тот отсырел. «Гадкий климат», – пришел к заключению ученый и, пройдя на кухню, зажег духовку газовой плиты, пристроив мумию близ ее огнедышащей пасти.

– Так, хорошо, – удовлетворенно сказал он и отправился работать над научной статьей «Находки древнеегипетских захоронений в пустыне Вади-Алаки».

Утром Папайя с изумлением убедился, что в квартире стоит невероятная жара, но процесс сушки практически не идет. Даже напротив, за ночь мумия пропиталась влагой, словно неотжатая половая тряпка. «Мало тепла», – подумал ученый, с яростью глядя на холодные батареи парового отопления. Спешно перекусив, он отправился в почтовое отделение.

На бланке международной телеграммы Папайя излил свою признательность Каирской академии наук и лично д-ру Садату, в конце сделав приписку: «Подросток промок, сохнет крайне медленно, что делать?» Телеграфистка, принимая телеграмму, подозрительно покосилась на ученого, а уходя, он услышал, как она говорила своей подруге: «Маша, Машь, смотри, что вон тот, очкастый, написал, наверное, трехнутый».

Дневная суэта совершенно выбила Папайя из обычного распорядка. Работать со статьей он начал, когда на город опустился ночной мрак. Склонившись над письменным столом, заставленным древнеегипетскими изваяниями, амулетами, осколками чаш и глиняными ядрами от пращи, археолог внимательно изучал свои прошлогодние записи о раскопках в Вади-Алаки. Внезапно на кухне послышался негромкий стук. Ученый насторожился, раздавшийся стук показался ему странным и подозрительным.

Он вышел из-за стола и направился в темноту коридора, в конце которого голубым пламенем мерцала плита и дрожали причудливые тени. Папайя включил свет.

Мумия неподвижно лежала на сдвинутых табуретках. Но левая рука мертвеца, веками прижатая к черной, бугристой груди, распрямилась и свисала до пола, касаясь линолеума темными костяшками слипшихся пальцев!

– Боже мой, члены становятся гибкими, мумия разлагается! – в отчаянии схватился за голову археолог. – Что делать?!

Остаток ночи он просидел за толстыми книгами о Египте, пытаясь обнаружить рецепты древних бальзамировщиков, но точного способа этой тайной науки жрецов не нашлось ни в одном из просмотренных фолиантов.

На следующий день одуревший от бессонной ночи Папайя направился в Петербургское отделение РАН к академику Дренажному, крупному авторитету в области мумиеведения.

– Мой юный друг, – сказал престарелый академик, внимательно выслушав взволнованный монолог археолога, – современной науке неизвестен секрет египетского бальзамирования. Он безвозвратно утрачен, как и многие другие секреты Древнего мира. Даже ученые Збарский и Воробьев, забальзамировавшие тело Ленина, пользовались новейшими разработками по консервации анатомического материала. Но признаться, их метод непрактичен и недолговечен. Тело гения гниет и сгниет обязательно, тогда как египетские мумии веками валяются где придется без всякого ухода и ничего. Что значит жреческая школа, чувствуете разницу?!

Увидев, что собеседник невероятно расстроен, Дренажный попытался его успокоить:

– Да плюньте вы на мумий и жрецов. Займитесь лучше индуизмом. Уверю вас, это намного увлекательнее египтологии. Я с ним недавно соприкоснулся и чувствую, что индуизм захватил меня целиком, – с этими словами ветхий авторитет быстро поднялся из кресла, ловко исполнил несколько замысловатых па и запел тоненьким голосом: – Харэ Кришна, Кришна харэ!

Папайя опрометью выскочил из кабинета.

Дома в почтовом ящике его ожидала срочная телеграмма из Каира.

«Дорогой коллега Папайя! – телеграфировал президент ученого совета. – Суши мальчика на солнце, не пользуйся открытым огнем, это – опасно! Тот амулет, охраняющий от злых сил,

что был обнаружен тобой при раскопках заупокойного храма Хатшепсут, держи всегда при себе. В ближайшее время жди от меня новых сообщений. С наилучшими пожеланиями, д-р Садат».

«Ну какое в Петербурге солнце? Это в Каире – солнце, а у нас погожие дни нечасты. И при чем тут амулет?» – горько вздыхал археолог, читая послание из Египта.

Однако осмотр забальзамированного тела его обнадежил. Ткани мумии были мягкими и податливыми, но влага из них стремительно испарялась. Тело теряло водянистый блеск и рыхлость, тускнело, обретая прежнюю сухость и напряженность.

Папайя прошел в кабинет, тяжело опустился на диван. Взял с письменного стола древний амулет: искусно вырезанную из черного обсидиана фигурку Сатни-Хемуасе, покровителя белой магии, покрытую магическими символами, означающими: «Обладающий мною найдет защиту от гнева Анубиса». Еще раз прочел телеграмму. «Зачем держать ее при себе?» – успел устало подумать и провалился в глубокий сон, сказала бессонная ночь и дневные заботы.

Проснулся ученый с ощущением непонятной тревоги. За окном о чем-то шептал мелкий дождик и изредка, сквозь рвань облаков, мутно светила луна. В соседней комнате настенные часы гулко ударили полночь, и археолог вдруг ясно почувствовал, что в квартире он находится не один. Папайя привстал, щелкнул выключателем света, и леденящий ужас вдавил его в спинку дивана.

Мумия стояла в дверях кабинета!

За стеной стучали часы, отмеривая неуловимое время. С их последним ударом повисла гнетущая тишина. Темные провалы глазниц мертвеца засветились болотным, мерцающим светом. Он шагнул к дивану, и столько неистовой злобы и силы угадывалось в движении небольшого, уродливого тела, что ученый обреченно подумал: это – конец. В слабой попытке остановить возникший из тьмы коридора кошмар Папайя непроизвольно поднял руку с судорожно зажатым в ней амулетом.

Мумия резко остановилась. Досадливо шамкнув беззубой, ввалившейся пастью, чудовище стремительно двинулось прочь, вскочило на подоконник и исчезло среди звона и осколков стекла в темноте четырехэтажной пропасти. Ученый свалился в обморок...

К реальности его вернул проникающий сквозь разбитое окно холодок занимающейся зари и настойчивый телефонный звонок. Опасливо озираясь, он снял трубку. Где-то далеко что-то щелкнуло, пискнуло, и в квартиру ворвался встревоженный голос Садата.

– Коллега Папайя?! – по-русски, но с заметным акцентом вопрошал каирский абонент.

– Да, – коротко отозвался ученый.

– Немедленно уничтожьте мумию, немедленно! – долетело через огромное расстояние.

– Поздно... – ответил Папайя и всхлипнул, припомнив пережитое.

– О горе мне! Я есть, как это правильно сказать по-русски, а вот – мутак! Да, я – мутак! Это моя вина, но все получилось случайно, поверьте, коллега. Я еду в аэропорт. До встречи! – прокричало из трубки, и раздались короткие гудки.

На следующий день д-р Садат появился в квартире петербургского археолога.

– О Аллах! О горе мне! – слушая рассказ о случившемся, сокрушался господин из Каира, вновь называл себя «мутаком» и ругался витиеватым египетским матом.

На мумию д-р Садат наткнулся при раскопках древнего культового храма в окрестностях Гизы. Захоронение было обнаружено совершенно случайно, когда один из археологов провалился в подземную камеру, где находился саркофаг. Назначение камеры и тайного захоронения в ней сразу определить не удалось. Что выяснилось по росписи саркофага и погребальным тканям, в которые была завернута мумия, так это время погребения – Раннее царство, эпоха в истории Египта малоизученная, полная тайн и загадок. И, кроме того, все решили, что мумия принадлежит подростку, о чем свидетельствовали ее незначительные размеры.

Саркофаг и ткани отправили для дальнейшего изучения в Каир, а забальзамированное тело решили было выкинуть подальше в пустыню, ибо в Египте подобного добра предостаточно, но д-р Садат вовремя вспомнил о коллеге Папайя. «Ему будет крайне приятно получить от нас столь необычный подарок. Ведь у него на родине мумии большая редкость», – заверил египетских археологов Садат и принялся хлопотать об отправке посылки в Россию.

Пока мумия находилась в пути, дальнейшие раскопки храма дали неожиданный результат. По сохранившимся фрагментам настенной росписи и мозаике пола было установлено, что храм служил для совершения обрядов оккультного культа, неизвестного современной науке.

– В этот момент возникли первые сомнения по поводу отправления мумии в качестве презента. Но было уже поздно. А вскоре мне пришел срочный вызов в Каир, чтобы провести экспертизу подлинности двух древних папирусов, изъятых полицией у какого-то бродяги, – рассказывал д-р Садат.

Экспертиза показала, что папирусы подлинные и являются редчайшими письменными памятниками древнеегипетской культуры периода Раннего царства. Как они попали в грязные лапы бродяги, выяснить не представлялось возможным. Этот тип подрался в участке с полицейскими и был ими пристрелен. Расшифровка текста чрезвычайно насторожила Садата и усилила его сомнения относительно отправки мумии в Петербург. Первый папирус оказался своеобразным сводом по черной магии одного из самых загадочных племен бедуинов-кочевников – шасу, издревле считавшихся в Египте искусными магами и колдунами.

Обряд оживления мертвецов, который практиковался магами этого племени, заставил каирского ученого отправить петербургскому коллеге срочную телеграмму с предупреждением о возможной опасности.

– Шасу вымачивали мумий в обычной воде и затем сушили их на открытом огне, – продолжал пояснять д-р Садат, – но обязательно при определенной фазе Луны и при так называемом противостоянии Юпитера с Сириусом, когда расположение двух этих небесных тел влияет на потусторонние силы особенно сильно. Однако в нашем случае стечение трех обстоятельств сыграло большую, но не самую важную роль. Когда я полностью расшифровал второй манускрипт, то выяснилось, что мумия, обнаруженная в тайной камере храма, принадлежит не подростку, а верховному жрецу очень маленького роста, то есть карлику. При жизни он слыл великим магом и чародеем, близко знавшимся с колдунами из племени шасу. Им же в городе Гизе была основана секта поклонников бога Анубиса, покровителя мертвых и обряда бальзамирования. Жители города боялись и ненавидели сектантов, поскольку их поклонения своему мрачному божеству сопровождалось приношением человеческих жертв. И однажды горожане окружили храм, перебили всех, кто в нем находился, и разрушили здание. Но верховного жреца там не нашли. К этому моменту он, вероятно, уже умер либо пал от рук своих же последователей и был захоронен в подземном помещении. Таким образом, нелепое стечение обстоятельств и непосредственно сама мумия древнего колдуна, извлеченная из тайной могилы, привели к тому, что проклятый прах злобного карлы покинул мир мертвых.

– Так что же теперь телать? Ветвь ожившая мумия представляет большую опасность, – сказал зеленый от страха Папайя.

– Вот! Именно из-за этого я бросил все дела и прилетел в Петербург, – радостно потер руки д-р Садат. – Ожившие мертвецы – давняя напасть Египта. Возможно, здесь замешано колдовство либо другая темная сила, но так или иначе мертвые встают из могил и убивают живых. Спасением от них может служить лишь чудодейственный амулет Сатни-Хемуаси, самый прибыльный товар во все времена существования египетского государства. Вы сами смогли убедиться, насколько он эффективен, если мумия карлика выскочила в окно. Поэтому чем больше убийств совершит в Петербурге эта мерзкая тварь, тем лучше для нас. Да-да, повторяю, – лучше для нас. На этом мы сделаем бизнес! Закажем какой-либо фирме партию амулетов и станем их продавать по самой высокой цене.

В настоящий момент петербургские магазины завалены гипсовыми фигурками Сатни-Хемуаси. Но по незнанию и из-за дикой цены их никто не берет, археологи несут колоссальные убытки. Тогда как за последнее время в городе случилась целая серия зверских убийств. В подвалах разных домов по проспекту Просвещения, где проживает Папайя, милиция обнаружила одиннадцать трупов бомжей и одного водопроводчика. У всех несчастных были сломаны шейные позвонки, а работнику сантехнической службы, по мнению судмедэкспертов, живьем оторвали голову. Словом, чтобы не попасть в цепкие лапы злобного карлика, приобретайте чудодейственные амулеты!

Впрочем, по мнению автора этих строк (хоть он и принят археологами в долю, почему, собственно, и пишет об этой истории), торопиться с покупкой амулетов все же не следует. В свое время русский мороз прибил полчища Наполеона и Гитлера, поэтому с какой-то египетской тварью он определенно как-нибудь да совладеет.

Проклятые места

Таинственных мест, где происходят загадочные, необъяснимые события, известно немало. В научном справочнике, составленном исследователем аномальных явлений сэром Стюартом Ч. Култоном, содержатся сведения о 1032 подобных местах, разбросанных по всему свету, от Гренландии до Соломоновых островов. Правда, Россия в справочнике почему-то отсутствует, словно такой страны на планете не существует.

– Видимо, у англичанина проблемы с географией или головой, – отозвался по этому поводу Андрон Фридман, знаток мистики и оккультизма. – Указать «поющий бархан» в Центральной Монголии и проигнорировать Лавозерскую тундру или Пустошь Мертвецов под Челябинском! Станный какой-то справочник, и автор его тоже со странностями. И вообще, сэр ли он, похоже, что самозванец.

С мнением Фридмана стоит согласиться. В самом деле, хорош ученый! Изучать аномальные явления и при этом игнорировать Россию, страну, где если уж явление случается, то оно непременно будет не блеклое и дурацкое, типа «поющего бархана», а по-настоящему таинственное, загадочное и страшное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.